

Ник Хорнби
Слэм
Серия «Говори (Азбука-Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8641506

Ник Хорнби. Слэм: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2014

ISBN 978-5-389-09118-4

Оригинал: Nick Hornby, "Slam"

Перевод:

Валерий Игоревич Шубинский

Аннотация

Сэм – молодой парень из не слишком благополучной семьи. Единственная радость в жизни для него – катание на роликовой доске. Кумир Сэма – легендарный скейтбордист Тони Хоук. В глазах подростка он божество, тот, кто наверняка поможет преодолеть все трудности, какими бы не преодолимыми они ни казались. И когда в жизни Сэма возникает реальная проблема – забеременела его несовершеннолетняя подружка, – он обращается за помощью к постеру с портретом кумира в надежде, что совершится чудо...

Содержание

1	5
2	9
3	20
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ник Хорнби

Слэм

Copyright © 2007 by Nick Hornby

© В. Шубинский, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

Немудрено, что писатель, живущий на родине футбола, первую свою книгу посвятит любимой игре. Так и вышло, «Футбольная лихорадка» (1992) дала старт литературной карьере писателя, ставшего на сегодняшний день одним из самых популярных не только в Великобритании, но и в мире. «Hi-Fi», «Мой мальчик», «Долгое падение», «Голая Джульетта» и другие романы Хорнби повествуют о сегодняшнем человеке, у которого не всегда получается ладить с миром, его окружающим. То есть эти книги о том, что касается всех и каждого, а потому и так популярны.

Не вызывает сомнений сверхъестественная способность Хорнби исследовать современные, подчас чрезвычайно серьезные темы – и преподносить результаты своих исследований легким, насмешливым языком. Своим искусным анализом хипстерской неуверенности в будущем писатель явно затронул болезненное место для многих современных людей.

Booklist

Хорнби – писатель, который рискует одновременно быть остроумным, интеллигентным и щедрым на переживания.

The New York Times Book Review

Написано с душой!

Harper's Bazaar

1

В общем, дела шли совсем неплохо. Я бы даже сказал, что за шесть месяцев приключилось довольно много отменного.

Например: мама отделалась от Стива, своего отстойного друга.

Например: миссис Джиллетт, преподавательница живописи и дизайна, после урока отозвала меня в сторонку и спросила, не думал ли я поступить в художественный колледж.

Например: у меня получилась пара новых скейтинговых трюков – после того как неделю кряду я валял дурака на людях. (Догадываюсь, что не все вы скейтеры, так что надо прямо сейчас кое-что объяснить, не то будет ужасное недоразумение. Скейтинг – это скейт-бординг. Мы обычно так не говорим – «скейтбординг», так что я в первый и последний раз пользуюсь этим словечком до конца книги. А то скейтерами еще конькобежцев зовут... Так вот, если вы думаете, что я на льду на коньках ковыряюсь, то это ваши проблемы, и ничьи больше.) Ну и еще я встретил Алисию.

Я собирался кое-что путное о себе рассказать, прежде чем вести речь о моей маме, об Алисии и обо всем таком. Если бы вы уже что-то обо мне знали, вам перечисленное в самом деле могло бы быть интересным. Но, прочитав то, что я уже накорябал, вы и так кое-что поняли или, по крайней мере, думаете, что поняли. Ну, что мама и папа вместе не живут, для начала, если только вы не решили, будто мой папа из тех, кому наплевать, есть ли у его жены любовники. Нет, он не из таких. Вы считаете, что я, вероятно, занимаюсь скейтингом и что мой любимый предмет в школе – живопись и дизайн, если только не предположили, что я из таких, кого учителя после каждого урока отзывают в сторонку и уговаривают поступить в профильный по их предмету колледж. Просто-таки борются из-за меня: «Нет, Сэм! Забудь ты про эту живопись! Занимайся физикой!» Или: «Забудь про физику! Это будет трагедией для рода человеческого, если ты забросишь французский!»

Да уж. Ничего подобного со мной в самом деле никогда не происходило, честное слово. Уверяю вас: никогда из-за меня учителя не сражались.

И не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться, что Алисия – девчонка, которая для меня кое-что значит. Я рад, что есть вещи, которых вы не знаете и о которых не догадываетесь, волшебные вещи, не случавшиеся ни с кем, кроме меня, за всю мировую историю, насколько я знаю. Если бы вы догадались о них по первому абзацу, я бы уж начал беспокоиться: а вдруг я не такая невероятно сложная и интересная личность – ха-ха!

Это случилось пару лет назад, в то время, когда все шло пучком, а мне тогда было пятнадцать, почти уже шестнадцать. И я не хочу, чтобы это звучало как-то слишком пафосно или чтобы вы меня, не дай бог, жалеть вздумали, но это чувство – что все в порядке – для меня было в новинку. До тех пор со мной такого не бывало, и не было уже с тех пор. Я не хочу сказать, что ощущал себя несчастным. Но всегда что-то шло не так, что-то вызывало беспокойство. (И, как вы увидите, с того времени тоже было достаточно поводов для волнений, однако обо всем по порядку.) Например, мои родители развелись и все время воевали друг с другом. Или они уже развелись, а нападать все равно продолжали, потому что привыкли. Или с математикой в школе проблемы, или хочу общаться с кем-то, кто со мной не хочет... И вдруг все это разом незаметно рассеялось – знаете, как с погодой происходит. А в это лето еще и денег было больше, чем обычно. Мама работала, а папа на нее не сердился, а это значит, что он выплачивал нам то, что обязан был давать все время. Так что, знаете... Это тоже было на пользу.

Если я собрался рассказать вам все по порядку, ничего не пытаюсь утаить, тогда в одном я должен сознаться всенепременно, потому что это важно. Вот что. Я знаю, это звучит глупо, но обычно-то я совсем другой человек. В том смысле, что вовсе не верю во всяких, знаете,

привидений или в реинкарнацию и во все эти волшебные штучки, но это... оно как будто само собой началось совершенно внезапно и... Ну, как бы то ни было, я расскажу об этом, а вы уж думайте что хотите.

Я заговорил с Тони Хоуком, и Тони Хоук ответил мне.

Некоторые из вас, и уж наверняка те, кто думает, что я катаюсь на коньках, никогда не слыхивали о Тони Хоуке. Ну хорошо, я расскажу вам. Но должен заметить, что вам не мешало бы и самим иметь о нем представление. Не знать Тони Хоука – это все равно что не знать Робби Уильямса или даже самого Тони Блэра. Это даже хуже, если подумать. Потому что политиков – уйма. Певцов – куча. В телике – масса программ. Джордж Буш, пожалуй, еще познаменитей будет, чем Тони Блэр, а Бритни Спирс или Кайли ничуть не хуже Робби Уильямса. Но скейтер есть только один, и его зовут Тони Хоук. Ну, не один, конечно. Но уж точно главный. Он Дж. К. Роулинг скейтеров, их бигмак, их iPod, их X-box. Единственное, что может вас извинить, если вы не знаете ТХ, – это отсутствие у вас интереса к скейтингу.

Когда я занялся скейтингом, мама купила мне по Интернету постер с Тони Хоуком. Это был самый клевый подарок, который я получал в жизни, и притом даже не самый дорогой. Он висел на стенке моей спальни, и у меня вошло в привычку сообщать ему разные новости. Поначалу я рассказывал Тони о скейтинге – о проблемах, которые у меня были, или о трюках, которые мне удалось осилить. Я просто-таки бежал к себе в комнату, чтобы поделиться с ним тем, что впервые сумел выполнить рок-н-ролл, потому что знал, что для изображения Тони Хоука это значит больше, чем для моей всамделишной мамы. Я на маму не накатываю, но она не понимает, что тут к чему. Когда я ей о таких трюках рассказываю, она делает вид, что ей ужас как интересно, но по глазам видно, что это не так. Она классная, правда! Но спросите ее, что это за рок-н-ролл такой, она не сможет объяснить. А Тони сечет. Может, затем мама и постер купила, чтобы мне было с кем поговорить.

Эти разговоры начались, когда я прочитал книжку «Хоук. Профессия: скейтбордист». Поэтому я знал, как он обычно выражается. И кое-что из того, что он хочет сказать, тоже. Я к тому времени прочитал эту книжку сорок или пятьдесят раз, и с тех пор еще несколько раз перечитал. Я так считаю, что это лучшая книга на свете, и не только для скейтеров. Все должны ее прочитать, потому что, даже если вы не любите скейтинг, там есть кое-что, чему вы можете поучиться. Тони Хоук падал, и поднимался, и переживал разное, ну, все равно как политик, или музыкант, или звезда из мыльной оперы. Ну, так или иначе, поскольку я читал эту книжку, мне многое из нее в сердце запало. Например, когда я ему рассказал про рок-н-ролл, он мне ответил: «Это не так уж трудно. Но это основа, без которой не научишься балансировать и удерживать доску на крутой рампе. Славно, парень!»

«Славно, парень!» – это уже была настоящая беседа, если понимаете, что я имею в виду. Это было что-то новое. Но остальное – слова, которые он и прежде употреблял более или менее. Ладно, не более или менее. В точности. Хотел бы я не знать его книжку почти наизусть, потому что я бы с удовольствием кое-что выпустил. Обидно мне было, когда он сказал: «Это не так уж трудно». Ничего себе – я шесть месяцев пытался сделать трюк правильно. Я хотел, чтобы он сказал просто, ну, знаете, к примеру: «Ух ты! Это основа, без которой не научишься балансировать и удерживать доску на крутой рампе». Но выбросить «Это не так уж трудно» – было бы нечестно. Когда ты думаешь о Тони Хоуке, рассуждающем про рок-н-ролл, ты слышишь, как он говорит: «Это не так уж трудно». Я, по крайней мере, слышу. Вот оно как. Историю не перепишешь и ничего из нее не выбросишь просто потому, что тебе это не по душе.

А потом я помаленьку стал говорить с Тони Хоуком о других вещах тоже – о школе, о маме, об Алисии, все равно о чем, и я видел, что у него есть что сказать по этому поводу. Слова его по-прежнему были взяты из его книги, но книга была про его жизнь, а не только про скейтинг, поэтому не все, что он написал, было про флипы и шовиты.

Например, я поделился с ним, как без всякой причины наорал на маму, а он ответил: «Я был смешным парнем. Сам не знаю, почему мои родители ни разу меня не связали, не засунули мне в рот носок и не поставили меня в угол».

А когда я рассказал ему про основательную драчку в школе, он заметил в ответ: «Я всех этих глупостей не замечал, потому что мне было хорошо с Синди».

Синди – это его девушка в то время. Не все, что Тони Хоук говорил, было в тему, если уж совсем начистоту, но это не его вина. Если ничего подходящего в книге не находилось, я подбирал что-нибудь близкое, как уж мог. И что удивительнее всего: если уж наткнулся на какую-нибудь шутку, она обязательно имела смысл, если подумать над ней как следует.

С этого места, кстати, Тони Хоук будет именоваться иногда просто ТХ, потому что я его так зову. Обычно его называют Птичка, потому что у него и фамилия такая птичья¹ и вообще, но для меня это как-то слишком по-американски. А потом, мое окружение – стадо баранов, и все они думают, что, кроме Тъери Хентри, другого спортсмена с инициалами ТХ не существует. Ну, вот мне и нравится компрометировать им мозги. Так что ТХ – это как мой личный секретный код.

Вот почему я упомянул здесь свой разговор с ТХ: потому что помню, как говорил ему, что все идет пучком. Было солнечно, и я провел почти весь день в Грайнд-Сити, а это – как вы знаете, а может, и не знаете – скейтинг-парк, до которого от моего дома недалеко добираться на автобусе. Я думаю, вы не в курсе, что от моего дома туда недалеко ехать на автобусе, потому что вы не представляете, где я живу, но вы должны знать о самом этом парке, если вы клевые ребята или если вы знакомы с какими-нибудь клевыми ребятами. Ну, как бы то ни было, мы с Алисией вечером ходили в кино, и это был третий или четвертый раз, когда мы с ней были вдвоем, и я действительно, серьезно, входил в нее. А когда я пришел, мама смотрела DVD со своей подружкой Паулой, и мне показалось, что она счастлива, хотя, может, мне и почудилось. Может, это я был счастлив, оттого что она смотрит DVD с Паулой, а не со своим отстойным дружкой Стивом.

– Как фильм? – спросила мама.

– Да, хороший, – ответил я.

– Ты хоть что-нибудь из него запомнил? – спросила Паула.

Я сразу же отправился к себе в комнату, потому что терпеть не могу такие вот намеки. Уселся на кровати и поглядел на ТХ, а затем сказал ему:

– Все идет не так уж плохо.

И он ответил: «Жизнь – хорошая штука. Мы переехали в новый дом, больше прежнего, у лагуны, рядом с пляжем, и, самое главное, с воротами».

Как я уже говорил, не все ответы ТХ были всегда по делу. Это не его вина. Книга не такая уж длинная. Я хотел бы, чтобы в ней был миллион страниц: а) потому что я бы ее до сих пор не дочитал, б) потому что тогда у него было бы что сказать мне по любому поводу.

И я рассказал ему про Грайнд-Сити, про трюки, которые я проделывал, а потом заговорил о всяких штуках, которыми я обычно его не заморачиваю. Я сообщил ему кое-что об Алисии и о том, что творится с мамой, и что Паула сидит там, где раньше торчал Стив. Он мало что мог сказать об этом, но почему-то у меня создалось такое впечатление, что ему интересно.

Вы считаете это помешательством? Так оно и есть, но мне до лампочки в самом деле. Кто не общается с кем-либо в собственной башке? Кто не говорит с Богом, или с собачкой, или с кем-нибудь умершим, кого он любил, или хоть с самим собой? ТХ... Он не был самим собой. Но он был тем, кем я хотел бы быть, улучшенной версией, так сказать, и это не худшее,

---

¹ *Hawk* переводится с англ. как «ястреб».

что можно придумать, когда перед тобой в комнате находится твоя улучшенная версия и смотрит на тебя. Чувство такое, что, мол, нельзя ронять свое достоинство.

Так или иначе, все, что я хочу сказать, так это то, что было такое время – может, день, может, несколько дней, не могу точно припомнить, – когда все, казалось, собралось вместе. И конечно, это был период, когда возможно разрушить все одним ударом.

2

Еще о паре вещей следует упомянуть до того, как мы пойдем дальше.

Прежде всего, моей маме шел тогда тридцать второй год. Она была на два года старше Дэвида Бэкхема, на год – Робби Уильямса и на четыре года моложе Дженнифер Энистон. Она знает все даты их рождения. Если хотите, она может составить список и подлиннее. Правда, по-настоящему молодых людей в нем не будет. Она никогда не скажет: «Я на четырнадцать лет старше Джосс Стоун» или что-нибудь в этом роде. Она все знает только про людей примерно ее возраста, которые хорошо сохранились.

Сначала до меня как-то не доходило, что она чересчур молодая, чтобы быть матерью пятнадцатилетнего парня, но мало-помалу это стало казаться мне странным, в тот год особенно. Во-первых, я вымахал на десять сантиметров, так что все больше народу думало, что она не мать мне, а тетя или даже сестра. А главное... Не очень хорошо, конечно, говорить о таком. Я вот что сделаю, знаете ли. Я просто перескажу свой разговор с Кролем, ну, это парень такой, я его по скейтингу знаю. Он меня на два года старше и тоже ходит в Грайнд-Сити, так что мы иногда встречаемся на автобусной остановке, ну, или еще в чашке – это другое место, где мы катаемся, когда влом ехать в Грайнд-Сити. Это не чашка на самом-то деле. Это нечто вроде бетонного бассейна, который сделали для тех, кто живет по соседству, но воды в нем сейчас нет, потому что администрация вдруг забеспокоилась, что, мол, там могут утонуть маленькие детишки. Я бы на их месте лучше озадачился тем, что детишки могут попить воды оттуда, потому что народные массы, возвращаясь из кабаков, всюю в этот бассейн отливали. Однако сейчас там сухо, и если ты хочешь покататься, а времени у тебя всего полчаса, то лучшего места нет. Мы там втроем катались – я, Кроль и Мусорник, который толком и кататься-то не умеет, потому его так и прозвали, но, по крайней мере, говорит дело. Если хочешь поучиться кататься – смотри на Кроля. Если хочешь поговорить, чтобы разговор был не совсем туфтовым, побеседуй с Мусорником. Если бы мы жили в лучшем из миров, там обязательно был бы кто-нибудь со сноровкой Кроля и с мозгами Мусорника. Но мы живем не в лучшем из миров...

И вот как-то вечером я болтался вокруг чашки, и Кроль там был, и... Ну, я уже намекал, что у Кроля черепушка варит фигово, но все равно... Вот что он сказал:

– Эй, Сэм...

Я говорил вам, что меня зовут Сэм? Ну так теперь знайте.

– Все пучком...

– Как дела, парень?

– Нормалек.

– Ну и славненько. Я что спросить хотел. Знаешь свою мамку?

Ну, сами посудите, что я подумал? Что он не в себе.

– Да, – говорю я. – Знаю я свою маму.

– Она сейчас с кем-нибудь встречается?

– Моя мама?

– Да.

– А тебе-то зачем знать – с кем моя мама встречается?

– А это уж не твое дело, – ответил он и покраснел.

Я ушам своим не поверил. Кроль вздумал приударить за моей мамой! Я внезапно представил себе картину: прихожу домой, а они свернулись вдвоем на софе и смотрят DVD. Ничего с собой поделывать не смог – улыбнулся. Мама парней себе не очень-то ловко подбирает, но не дура же она совсем...

– Что смешного-то? – обиделся Кроль.

– Не, ничего... Только... Сколько моей маме лет, как ты думаешь?

– А я почему знаю.

– Ну скажи навскидку.

Он уставился в пространство, как будто хотел там что-то разглядеть.

– Двадцать три? Двадцать четыре?

Тут я даже не рассмеялся. Не думал, что Кроль совсем богом убитый.

– Ну, – говорю я, – подсказка. Сколько лет мне?

– Тебе?

Он не мог врубиться, какая тут связь.

– Да, мне.

– Не зна...

– Ладно. Мне пятнадцать.

– Ну и чего?

– А того, что ей было двадцать лет, когда она меня родила.

Сколько ей было на самом деле, я говорить не собирался. А вдруг это бы его не отпугнуло.

– Ага... – Внезапно до него доперло: – Ох, парень. Так она ж твоя мамка! Я как-то не въехал. То есть, в смысле, я знал, что она твоя мамка, но я, знаешь, никогда годки не считал... Упс... Не говори ей, что я спрашивал, ладно?

– Почему? Ей приятно будет.

– Да, но знаешь... Тридцать пять. Это ж такая безнадега, наверное. Да и не хочу я с тридцатипятилетней девушкой...

Я пожал плечами.

– Ну, на нет и суда нет.

Вот так вот. Понятно, о чем я, да? Кроль не один такой. Другие мои кореша такого не трепанут, конечно, но я же все понимаю по тому, как они говорят о ней, что, мол, в хорошей форме. Я-то этого не вижу, но, если речь идет о ближайшем родственнике, этого никогда не видишь, правда? Хотя не важно, что я думаю. Фишка в том, что у меня мама тридцати одного года, которая нравится парням – парням моего возраста.

А вот еще одна вещица, о которой я хотел сказать. История эволюции моей семейки, насколько я знаю, всегда повторялась. Опять и опять. Кто-либо – мама, папа, дед – представлял себе, что раз в школе у него все идет хорошо, то потом он поступит в колледж и затем деньги заработает. А вместо этого они совершали какую-нибудь глупость и потом всю оставшуюся жизнь только и делали, что исправляли эту ошибку. Иногда кажется, что у детей всегда все выходит лучше, чем у их родителей. Знаете, как бывает: папаша шахтер, ну или что-нибудь эдакое, а сын его играет в Первой лиге, или становится поп-идолом, или изобретает Интернет. Послушаешь такие истории – и мерещится, что весь мир идет в гору. Но в нашей семье все вечно срывалось с первой же ступеньки. Честно говоря, они и лестницу-то обычно найти не могли.

Думаю, и так ясно, какую промашку совершила в прошлом моя тридцатиоднолетняя мама, да и мой тридцатидвухлетний папа вместе с ней. Мамин папа допустил оплошность вот какую: он возомнил, что будет футболистом. Ну и кучу денег загребет. Ему предложили место в команде «Квин паркс рейнджеров» – это когда «Рейнджеры» были хорошей командой. Ну, он бросил школу, подписал контракт с ними и поиграл там пару лет. Сейчас руководство команды заставляет молодых парней сдавать экзамены, так что, если они вылетают из команды, у них что-то еще остается за душой. А его никто ничего не заставлял делать, ну он и оказался в восемнадцать лет на улице, ничего не зная и не умея. А мама говорила, что хотела поступить в университет, а вместо этого вышла замуж накануне своего семнадцатилетия.

Поэтому все решили, что я собираюсь сделать какую-нибудь глупость из-за скейтинга, а я им ответил, что этого при всем желании не получится. Тони Хоук стал профи в четырнадцать лет, но даже в Калифорнии он долго не мог этим заработать на жизнь. А как я могу стать профи в Айлингтоне? Кто мне платить-то будет? И за что? После они перестали волноваться по этому поводу и стали переживать из-за школы. Я понимал, как много это для них значит. Хотя для меня тоже. Я хотел быть первым в нашей семье, кто научится какому-то ремеслу, еще будучи в школе. (Моя мама научилась позже, но это потому, что она бросила школу, когда родила меня.) Я должен был нарушить эту неписаную закономерность. Миссис Джиллетт спросила меня, хочу ли я изучать в колледже живопись и дизайн. Это круто! Я побежал прямо домой и поделился новостью с мамой. Сейчас думаю: лучше бы я этого не делал.

Алисия ходила в другую школу. Мне это нравилось. Я уже встречался с девчонками из моей школы, однако как-то это выходило по-детски. Они пишут тебе записочки, и, даже если они не в твоём классе, ты сталкиваешься с ними по пятьдесят раз на дню. Девчонка успевает тебе надоесть, прежде чем ты с ней толком пообщаешься. Алисия училась в школе Сент-Мэри, и мне интересно было слушать ее рассказы об учителях, которых я не знал, и о ребятах, которых не встречал. Больше тем для беседы, в общем. С ума сойдешь от скуки, если рядом с тобой человек, который знает каждую родинку на физиономии Даррена Холмса.

Мама Алисии знала мою маму по муниципальному совету, где она работала. Мама Алисии там советник, то есть все равно что премьер-министр. Разве что правишь не целой страной, а маленьким кусочком Айлингтона. Или Хакни – без разницы. Однако это занимает кучу времени, если честно. Не то что скидывание бомб на Усаму бен Ладена или на кого-то еще. Мама просто занимается тем, чтобы привлечь больше подростков пользоваться библиотеками, – вот так моя мама познакомилась с мамой Алисии.

Так или иначе, это был день рождения мамы Алисии, она позвала гостей, в том числе мою маму. И она попросила мою маму привести меня с собой. Если верить маме, Алисия сказала, что была бы рада со мной познакомиться. Я этому не поверил. Кто говорит такие вещи? Я такого не сказал бы. (Сейчас я Алисию знаю лучше – она этого точно не говорила.) Я хотел бы познакомиться с ТХ, а Алисия, я уверен, рада была бы познакомиться с Кейт Мосс, или Кейт Уинслет, или другой какой-нибудь знаменитой девушкой, у которой есть классные шмотки. Но с какой стати ты будешь говорить, что хочешь познакомиться с сыном тетки, которую твоя мама знает по работе? Это мама Алисии хотела найти ей друзей, если вы меня спросите, что я думаю. Может, даже подыскать ей парня, которого она одобряла бы. Ну все это как-то нехорошо, правда?

Сам толком не представляю, почему я пошел, если задуматься. Честно говоря, это не совсем правда. Я пошел, несмотря на то что сказал маме, что не хочу идти и не хочу знакомиться с девчонкой, которая ей понравилась.

А мама мне на это:

– Поверь мне, захочешь!..

И так она это сказала, что я заинтересовался и посмотрел на нее.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я ее видела.

– И думаешь, она такая, что мне понравится?

– Я бы сказала – она любому парню понравится.

– Ты имеешь в виду – шлюховатая?

– Сэм!

– Извини. Но это так прозвучало.

– Нет уж, этого я не говорила. Я точно выразилась. Она нравится любым парням. Я не говорила, что ей нравятся любые парни. Разницу чувствуешь?

Мама всегда считала, что я сексист, и я стараюсь выражаться осторожнее не только при ней, но и при других. Надо всегда делать исключение, когда говоришь о девчонках. Если ты произносишь что-то такое, не сексистское, правильной девчонке, она сразу же начинает лучше к тебе относиться. Скажем, один из твоих корешей говорит, какие, мол, все девки дуры, а ты ему: «Не все» – и сразу выглядишь лучше. Хотя, конечно, если этот разговор слышат девушки. А иначе зачем время терять?!

Мама была права. Она не говорила, что Алисия шлюховатая. Она подразумевала, что Алисия классная, а это не одно и то же, правда? Вот облом будет, если она меня просто так заманить хотела! Ну, так или иначе, это меня заинтересовало. Если мама о ком-то говорит «классная», это как-то официально звучит. Я действительно захотел увидеть эту девчонку. Это не означало, что я надумал пойти к ней в гости. Но посмотреть хотел.

Думаю, я не собирался заводить девушку. Я никогда раньше ни с кем не встречался больше семи недель, и три из этих семи были не в счет, потому мы на самом деле и не виделись. Я хотел отделаться от нее, она – от меня, так что мы избегали друг друга. Ну и в результате никто ни от кого не отделался. А в другие разы было так: там две недели, тут три. Я потом понял, что надо постараться получше, но мне тогда больше нравилось кататься на скейте с Кролем и сидеть в «Макдоналдсе», чем болтать о чем-то с человеком, которого и знаешь-то плохо.

Мама принарядилась, чтобы идти в гости, и выглядела обалденно. На ней было черное платье, она немножко подкрасилась и, можно сказать, отнеслась к этому всерьез.

– Что думаешь? – спросила она.

– Да... Нормально.

– Нормально – в смысле ничего или в смысле – классно?

– Да класснее некуда. Не просто здорово – охренительно хорошо!

Но она решила, что я балагурю, и дала мне полшутя затрещину.

– Одобрение воспоследует?

Я знал это слово, но скорчил такую гримасу, будто она сказала что-то по-японски, поэтому она тяжело вздохнула.

– Это пятидесятилетие, юбилей, – сказала она. – Как думаешь, хорошо я выгляжу? Или не в тему?

– Пятидесятилетие?

– Да.

– То есть ей пятьдесят?

– Да.

– Упс! Так сколько ее дочке-то? Тридцать или около того? Зачем мне встречаться с тридцатилетней?

– Шестнадцать, я говорила тебе. Это нормально. Рожает в тридцать четыре, это и мне еще не поздно. И вот тебе пятьдесят, а ребенок – шестнадцать.

– Так она была старше, чем ты сейчас, когда родила эту девочку?

– Алисию. Да. И, как я сказала тебе, это не странно, это нормально.

– Я рад, что тебе не пятьдесят.

– Почему? Тебе какая разница?

Она была права на самом-то деле. Для меня не было никакой разницы.

– Когда тебе будет пятьдесят, мне будет тридцать четыре.

– Ну и?..

– Мне можно будет выпивать. И ты ничего мне на это не сможешь сказать.

– Это лучший аргумент, который я когда-либо слышала в пользу того, чтобы рожать ребенка в шестнадцать. Действительно, единственный и лучший аргумент.

(Не нравится мне, когда она говорит такое. Чувствую себя и сейчас виноватым. Как будто я преследовал ее, чтобы родиться восемнадцать лет назад. Это не шутка – быть нежеланным ребенком, а я именно нежеланный ребенок, если посмотреть правде в глаза. Всегда приходится напоминать себе, что это была их идея, а не твоя.)

Они жили в одном из этих здоровенных старых домов в Хайбери. Я до сих пор ни в одном из них не был. Мама знает людей, которые живут в таких домах, по работе и по книжному клубу, а я никого не знаю. Мы жили всего в полукилометре от них, но у меня никогда не появлялся повод ходить в те края, где живет Алисия, пока не встретил ее. Все там было непохоже на наши места. Там – большой дом, а мы жили в квартирке. Там – старье, а наш дом новый. Там – беспорядок и грязь, а у нас чисто и прибрано. И там везде книги... Не то чтобы у нас дома не было книг. Но у мамы – книг сто, у меня – тридцать. А у них у каждого по десять тысяч. Или так кажется? Там книжные шкафы в коридоре, и вдоль лестницы шкафы, и поверх шкафов еще стоят рядами книги. Все наши книги новые, а у них все старые. Мне больше нравится у нас дома, хотя я, конечно, хотел бы побольше, чем две спальни. Когда я думаю о будущем, о том, на что оно будет похоже, я представляю себе свою жизнь так: дом, в котором полно спален. Не знаю, что я буду с ними делать, потому что жить я хочу в одной из них, в своей собственной, как один скейтер, которого как-то показывали по MTV. У него был огромный дом с бассейном и с маленькой скейтинговой рампой в закрытом помещении с мягкими стенами, обитыми подушками. И никакой подруги, которая жила бы в этом доме, или родителей – никого. Не знаю, зачем ему был такой дом, но неважно. У меня была цель.

Мама сказала привет Андреа, маме Алисии, и Андреа сопроводила меня туда, где Алисия должна была сказать мне привет. Но похоже, Алисия этого делать не собиралась. Она лежала на диване и листала журнал, хотя в доме были гости, а когда мы с мамой вошли, она напустила на себя такой вид, будто это был самый тоскливый и противный вечер в ее жизни, а с нашим появлением все стало еще хуже.

Не знаю, как вы, но, когда родители пытаются подобрать мне кого-нибудь в пару, мне сразу же кажется, что никого противнее не найти во всей Британии. Пусть она выглядит как Бритни Спирс и считает, что «Хоук. Профессия: скейтбордист» – лучшая книга на свете. Это была мамина идея. В том и штука, что друзей себе выбираешь сам. Это фигово, когда всякие тетки, двоюродные братья и тому подобные тебе навязывают, какие у тебя должны быть отношения с людьми. Если бы мне не позволяли самому выбирать себе друзей, я бы никогда и ни с кем вообще по второму разу не общался. Я бы жил себе один на необитаемом острове, только если бы можно было сделать остров из бетона и чтобы со мной там была моя доска. Необитаемый обкатываемый остров, ха-ха-ха!

Ну да ладно! Нормально, если я не хочу ни с кем разговаривать, но что она-то себе думает: сидит здесь надувшись и смотрит в сторону? Да она слышала вообще о Тони Хоуке, или о грайнд слайде, или о чем-нибудь еще таком же классном, а если нет – что дает ей право так себя вести?

Я решил, что надо бы ее растормошить. Сидит себе на диване, вжавшись, ноги скрестила и смотрит мимо меня на накрытый стол и на стенку напротив. Я сел так же, скрестил ноги и уставился в другую сторону – на книжные полки. Мы были точь-в-точь манекены на витрине.

Я потешался над ней, и она чувствовала это, но, вместо того чтобы надуться еще сильнее – можно было ведь и так! – она решила рассмеяться. И когда она рассмеялась, во мне что-то перевернулось. Отчего-то мне вдруг захотелось понравиться этой девчонке. Можно сказать, мама была права. Эта девчонка была настоящей красоткой. Если бы она захотела, она получила бы от муниципального совета официальный диплом, что, мол, она красотка, и мамаше ее совершенно не пришлось бы для этого напрягаться. У нее были – да и есть – эти-кие огромные серые глаза, от взгляда которых раз или два мне было по-настоящему физи-

чески больно, где-то между горлом и подбородком. И еще у нее чудные соломенного цвета волосы, которые кажутся растрепанными и в то же время смотрятся клево, и она высокого роста, но не тощая и не плоскогрудая, как многие высокие девчонки, и она не выше меня, и кожа у нее – везде – прямо как персик или там... Ну, не умею я описывать людей. Все, что я могу сказать, – это что, увидев ее, я рассердился на маму за то, что она не взяла меня за горло и не наорала на меня. Ладно, она дала мне наводку. Но следовало ее усилить. Как, например: «Если не пойдешь, каждую минуту жизни будешь потом жалеть об этом, баран ты эдакий!»

– Не думал, что ты видишь, – сказал я Алисии.

– А кто сказал, что я над твоими штучками смеюсь?

– Или ты смеешься над моими штучками, или у тебя с головой плохо. Больше тут не над чем смеяться.

Это была не совсем правда. Она могла смеяться, глядя, как танцует ее папа. На нем были ужасно забавные штаны и рубашки.

– Может, я припомнила что-то, вот и смеюсь, – заметила она.

– Например?

– Не знаю... Куча всего забавного случается, правда?

– Так ты из-за всего этого сразу и смеялась?

Ну так, слово за слово, мы и начали болтать. Мне стало полегче. Я разговорил ее. Как-то был случай: я разговорил одну девчонку, когда она была не в настроении, так потом еле от нее сбежал.

Но вдруг она замолчала.

– В чем дело?

– Что, думаешь – ну, все идет как надо... Правда?

– С чего ты взяла? – Я был сражен. Именно это я и думал.

Она рассмеялась:

– Когда ты заговорил со мной, у тебя все мышцы были напряжены. А сейчас... – И она вытянула руки и ноги – теперь у нее был такой вид, будто она смотрит телик дома на диване. – Ну нет, ты, конечно, не совсем расслабился, – добавила она. – Еще не совсем. Да и не мог никогда совсем расслабиться.

– Ладно. Вот спасибо. – Я чувствовал себя как шестилетний.

– Я не то хотела сказать, – продолжила Алисия. – Знаешь, я имела в виду, что ты должен был постараться...

– Я не старался, – прервал ее я.

– Я знаю, что это неправда.

Я поглядел на нее, на то, какое серьезное у нее выражение лица, и подумал, что она наполовину дразнится, но я уже был готов простить ее за эти слова. Алисия казалась старше меня, и я подумал, что это оттого, что она проводит кучу времени с парнями, которые влюбляются в нее в две секунды.

– Где бы ты хотел оказаться прямо сейчас? – вдруг спросила она меня.

Я не знал, что сказать. У меня был ответ: «Ни в каком другом месте я не хотел бы оказаться». Но если я скажу это ей – я мертвец.

– Не знаю. Скейтингом занялся бы, может...

– Ты катаешься?

– Да. Только не на коньках, скейтбординг.

Я когда-то пообещал себе, что никогда больше не употреблю этого слова, хотя иногда без него не обойтись. Не все такие классные, как я.

– Я знаю, что такое скейтинг, спасибо.

Она по-прежнему набирает очки. Эдак мне скоро калькулятор понадобится. Но я не хотел говорить с ней о скейтинге, пока не выясню, что она о нем думает.

– А ты? Где бы ты хотела оказаться?

Она помедлила, будто готовилась сказать что-то вызывающее.

– На самом деле я хотела бы быть здесь, на этом диване.

Снова вышло так, будто она знает, о чем я думаю, но только в этот раз все получилось даже лучше. Она догадалась об ответе, который я хотел бы дать, и сказала это от собственного лица. Все больше очков – чуть ли не миллиарды.

– Прямо здесь. Но чтобы в комнате больше никого не было.

– Ох... – Я весь вспыхнул и не знал, что ответить. Она посмотрела на меня и рассмеялась.

– Никого, – прибавила она, – значит, и тебя тоже.

Вычитаем миллиарды. Да, она понимает, о чем я думаю. Но она хочет использовать свое превосходство по-плохому, а не по-хорошему.

– Извини, это звучит грубо, но я терпеть не могу, когда родители созывают полный дом гостей. В такие минуты хочется сидеть одной и смотреть телевизор. Тоску я навожу, правда?

– Нет. Конечно нет.

Некоторые могут говорить что хотят. Она могла бы выбрать любое место на свете, а выбрала собственный дом, где она лежала бы на диване и смотрела программу «Поп-идол» и никто бы ее не беспокоил. Такие люди, правда, сами не понимают, почему они говорят то, что говорят. Она сказала это, чтобы завести меня. Она знала, о чем я думаю именно в эту секунду. Она чувствовала, что я хотел бы, чтобы она сказала: «Прямо сейчас я хочу, чтобы в комнате не было никого, кроме нас с тобой». И она эти последние три слова отрезала, чтобы прижучить меня. Думаю, что она умненькая. Злая, но умненькая.

– Так у тебя ни братьев, ни сестер нет?

– А какая связь?

– Ну то есть когда у твоих родителей нет гостей, ты можешь сидеть в комнате одна?

– Ах вот ты о чем. Да, понимаю... Есть у меня брат. Ему девятнадцать. Он в колледже.

– А что он изучает?

– Музыку.

– А какую музыку ты любишь?

– Ох, этак тихонько...

На какое-то мгновение я подумал, что она любит тихую музыку, а потом понял, что это она о манере, в которой я к ней подкатываюсь. Крепкий она орешек. Собираемся мы разговаривать или нет? И что в этом плохого – спросить ее, какую музыку она любит? Может, это не бог весть как оригинально, но у нее получается, что я будто раздеться ее упрашиваю.

Я встал.

– Куда это ты собрался?

– Думаю, я время у тебя отнимаю. Извини.

– Все нормально. Садись.

– Можешь вести себя так, будто рядом нет никого, если хочешь. Сиди одна и думай.

– А чем ты хочешь заняться? С кем хочешь поговорить?

– С мамой.

– А-а-а. Славно.

Я вспыхнул.

– Слушай. Ты очень красивая, правда. Но беда в том, знаешь ли, что ты думаешь, что можешь благодаря этому обращаться с людьми как с грязью. Уж извини, но я не горю желанием...

И я оставил ее в одиночестве. Это был один из самых крутых моментов в моей жизни: сказаны самые правильные слова, я имею в виду, что я их сказал, и я рад, что сказал их. Хотя я не представлял, какое они оставили впечатление. Меня в самом деле от нее воротило –

секунд двадцать. Через двадцать секунд я остыл и стал придумывать, как бы вернуться назад и возобновить разговор. И я надеялся, что беседа перейдет во что-то другое: поцелуемся, а потом поженимся и уедем куда-нибудь на пару недель. Но меня напрягало то, как она мною вертит. Я слишком нервничал, чересчур боялся сделать какую-нибудь ошибку и потому вел себя слишком натянуто. Если мы еще раз заговорим, решил я, то только в том случае, если она этого захочет.

Мама моя болтала с каким-то парнем и не рвалась меня искать. Мне показалось, что моя особа была некстати, если понимаете, что я хочу сказать. Я знаю, что она меня любит, но иногда, в некоторых ситуациях, ей не очень-то приятно вспоминать, что у нее есть пятнадцатилетний сын.

– Это мой сын, Сэм, – сказала она. Но похоже, она с большей охотой представила бы меня как своего брата. Или даже отца. – Сэм, это Олли.

– Олли, – выговорил я и засмеялся.

Он посмотрел на меня с удивлением, а мама выглядела так, будто описалась, так что я попытался объяснить.

– Олли... – еще раз произнес я так, чтобы они врубилась – но они не врубилась. – Ну ты же знаешь, – повернулся я к маме.

– Нет, – ответила она.

– Есть такой скейтинговый трюк.

(Потому что существует такой скейтинговый трюк под названием «олли».)

– Это смешно? В самом деле?

– Да, – ответил я. Но я больше не был в этом уверен. Я решил, что все еще не в своей тарелке после разговора с Алисией и потому не в ударе.

– Его имя Оливер, – произнесла мама. – По крайней мере, я так думаю.

Она посмотрела на него, и он кивнул.

– Да, но...

– Уменьшительное имя – Олли.

– Да, я знаю, но...

– А если бы его звали Том?

– Это не смешно.

– Не смешно? Ну, знаешь... Том! «Первый том, второй том». Ха-ха-ха! – делано расмеялась мама. – Или Марк. Марка-помарка...

Никогда не ходите с мамой в гости.

– Первый том, второй том, – повторила она.

И тут к нам подошла Алисия, и я посмотрел на маму, будто говоря ей: «Скажешь еще раз „первый том, второй том“ – и Олли услышит кое-что, чего ты не хочешь, чтобы он знал». Думаю, она поняла.

– Ты не уходишь, а? – спросила Алисия.

– Не-а.

Она взяла меня за руку и отвела обратно на диван.

– Садись. Ты правильно сделал, что сбежал. Сама не знаю, почему я так себя вела.

– Да, так вела...

– Ну и почему?

– Потому что тебе позволяют так себя вести.

– Можем начать сначала?

– Если хочешь, – ответил я. Я не был уверен, что она в самом деле хочет.

– Ладно, – сказала она. – Я люблю хип-хоп, но не сильно. «Бисти бойз», Кенни Уэст. Немного хип-хопа, немного рок-энд-блюза. Джастин Тимберлейк. Знаешь «R.E.M.»? Мой

папа очень их любит, и я тоже от них торчу. И еще я играю на пианино, так что иногда слушаю классику. Вот. Видишь, рассказала и осталась жива.

Я рассмеялся. Вот теперь то, что надо. В этот момент она перестала обращаться со мной как с врагом. И поскольку внезапно я оказался другом, все, что я делал, чтобы изменить положение, оказалось ненужным.

Лучше быть другом, чем врагом, – это уж конечно. Вечер был впереди, и если я друг, то это означало, что у меня есть еще о чем поговорить. Я не собирался торчать здесь, как мама, слушая льющиеся потоком дурацкие шуточки Олли, а значит, я должен был провести этот вечер с Алисией. Поэтому, короче говоря, я был рад, что мы подружились. А если говорить не так коротко, то не так уж был и рад. Я не к тому, что Алисия была плохим товарищем. Она была фантастическим товарищем, если на то пошло. Она была забавной, и я мало встречал таких людей, как она. Но в этот момент я не хотел быть ее другом, если понимаете, что я собираюсь сказать, потому что боялся, что если она будет вести себя со мной по-дружески, то у меня не останется шанса ни на что другое. Я знаю, что это неправильно. Мама всегда говорила мне, что дружба приходит сразу же, прежде чем что-то другое. Но мне показалось, когда я впервые вошел в комнату, что она смотрит на меня как на того, кто может стать ее парнем, и что потому она и была такой колючей и резкой. Так что же она вдруг сбросила все свои колючки? Потому что ведь некоторым девчонкам это нравится. Иногда ты знаешь, что у тебя есть шанс с этой девчонкой, потому что она хочет с тобой побороться. Это все потому так, что весь мир стоит вверх тормашками. Если бы мир был нормальным, то все было бы наоборот: если девчонка с тобой мила – это и есть хороший знак. Но в нашем мире это не так.

Но, как оказалось, то, что Алисия стала со мной мила, – хороший знак, так что, может быть, мир вовсе не стоит вверх тормашками. А я понял, что это хороший знак, сразу же, потому что она стала рассуждать о том, что мы с ней сможем сделать вместе. Она сказала, что хочет прийти в Грайнд-Сити посмотреть, как я катаюсь, и потом спросила, хочу ли я сходить с ней в кино.

Это звучало так, как будто мы уже решили встречаться дальше. Но так просто ничего никогда не бывает, правда ведь? И еще, с чего я взял, что она ни с кем не встречается? Алисия могла бы заполучить любого парня, какого захотела, – так мне казалось. Да так оно и было.

Поэтому когда она упомянула об этом походе в кино, я попытался напугать себя как можно больше небрежности.

– Посмотрим, как пойдет, – сказал я.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

– Ну, знаешь... Я иногда допоздна делаю домашнее задание. А все выходные катаюсь.

– А ты уж как-нибудь приспособься.

– Ну конечно. А у тебя есть кто-нибудь на примете, кто пойдет со мной?

– О чем ты?

– Я не хочу идти в кино с тобой и твоим парнем, – ответил я.

Видите, какой у меня был хитрый план. Я хотел разузнать, что у нее на уме.

– Будь у меня парень, я бы тебя с собой в кино не звала, правда? Будь у меня парень, ты бы здесь, наверное, не сидел, и я тоже.

– Я думал, у тебя есть парень.

– С чего ты это взял?

– Не знаю. А почему нет?

– Поссорились.

– Извини. А когда?

– Во вторник. Мое сердце разбито – как ты сказал бы.

– А как долго вы встречались?

– Два месяца. Но он хотел секса, а я не была готова.

– Понятно.

Я опустил глаза. Пять минут назад она не хотела, чтобы я знал, какую музыку она слушает, а теперь рассказывает мне о своей сексуальной жизни.

– Ну, может, он передумает, – сказал я. – По поводу секса, я хочу сказать.

– А может, я передумаю.

– И то верно.

Почему она сказала, что может передумать о том, готова ли она к сексу. Другими словами, она дала мне понять, что может заняться сексом со мной? Или что она может передумать и заняться сексом с ним? А если она имела в виду это, то как же я? Может ли быть так, что она встречается со мной, а потом вдруг решает, что пришло время переспать с ним? Кажется, это была важная информация, но я не был уверен в том, что правильно ее понимаю.

– Эй! – сказала она. – Хочешь пройти в мою комнату? Телек посмотреть? Музыку послушать?

Она встала и, потянув меня за руки, заставила подняться. А это что такое? Что, она уже передумала относительно секса? И мы за этим идем к ней наверх? И я потеряю девственность? Я чувствовал себя так, будто смотрю фильм, смысл которого мне не постичь.

Пару раз у меня уже чуть было не случился секс, но я сдрейфил. Это славно – заниматься сексом в пятнадцать лет, когда твоей маме тридцать один. А эта девчонка, Дженни, она все время говорила, что все будет пучком, но я не представляю, что именно она имела в виду. А вдруг она была из тех девчонок, которые на самом деле хотят ребеночка, уж не знаю почему. У нас в школе была парочка таких малолетних мамаш, и они вели себя так, будто ребенок – это iPod, или новый мобильник, или что-нибудь такое, какая-то мультка, которой можно покрасоваться. Между ребенком и iPod'ом много различий. И главное – никто тебя по голове не шарахнет из-за твоего ребенка. Ребенка не нужно прятать в кармане, когда едешь в автобусе поздно ночью. А если подумать, это кое-что да значит, поскольку по голове тебя шарахают за то, что стоит иметь, а следовательно, ребенка иметь не стоит. Ну, так или иначе, я с этой Дженни спать не стал, и она сказала об этом своим подружкам, и некоторое время обо мне шушукались в коридорах и всякое такое. А следующий парень, с которым она встречалась... Ну нет, я не хочу повторять вам, что он сказал. Это было глупо и отвратно, и мне очень не понравилось – вот все, что вам надо знать. После этого я занялся скейтингом всерьез. Я в том смысле, что стал проводить больше времени наедине с собой.

Пока мы поднимались по лестнице и шли к ее спальне, я стал воображать, что Алисия запрет дверь, посмотрит на меня и начнет раздеваться, и, честно говоря, сам не знаю, как я к этому в тот момент относился. Конечно, в этом была положительная сторона – это очевидно. С другой стороны, она могла испытывать меня: знаю ли я, что делать, – а я не знал. А внизу мама, и кто поручится, что она как раз сейчас не отправится меня искать? И ее, Алисии, мама и папа внизу. И еще я чувствовал, что если ей и хочется секса, то не стоит ей заниматься этим с парнем, которого она в первый раз увидела. Значит, не надо делать этого со мной.

Не о чем было беспокоиться. Мы вошли к ней в комнату, и тут она вспомнила, что не досмотрела фильм «Сорокалетний девственник», так вот мы и досматривали его вместе. Я сидел в старом кресле, которое было у нее в комнате, а она – на полу между моих ног. А потом, чуть погодя, она прислонилась спиной к моим коленям и прижалась к ним. Это я запомнил. Я воспринял это как послание. А потом, когда фильм кончился, мы спустились вниз. И тут как раз мама стала искать меня, мы пошли домой.

Но когда мы уже направились к выходу, Алисия босиком побежала за мной и дала мне эту черно-белую открытку с изображением целующейся пары. Я взглянул на открытку, но отчего-то не понял зашифрованного послания, поэтому она закатила глаза и шепнула:

– Переверни.

Я перевернул, а на обороте было написано: «До завтра, в кино».

– Ага, – сказал я, – хорошо.

А когда Алисия отошла, мама подняла бровь так высоко, как только она одна умела, и спросила:

– Так вы завтра в кино идете?

– Да, – ответил я. – Похоже на то.

И тут мама рассмеялась и спросила:

– Права я была?

И я ответил:

– Ты была права.

3

Тони Хоук потерял невинность в шестнадцать лет. Он тогда участвовал в соревновании, которое называется «Царь горы», в местечке под названием Трэшмор, в Вирджинии-Бич. Он пишет в своей книге, что нарушил условия, превысив время в полтора раза. Надо было проехать за сорок пять секунд, а он опоздал на двадцать две с половиной секунды. «Я был счастлив, – сказал он мне. – Никогда не забуду этих трюков, которые я тогда выделывал».

* * *

На следующий день было воскресенье, и я приехал в Грайнд-Сити с Кролем. Точнее, я встретил Кроля на автобусной остановке, так что дальше мы ехали вместе. Кроль может проделывать трюки, которые я не умею, – он уже целую вечность умеет делать гейтвист, так что он прав, зависив себе планку: научиться делать мактвист. Так называется вращение на пятьсот сорок градусов.

Когда я пытаюсь объяснить трюки маме, ее всегда сбивают с толку эти цифры.

– Пятьсот сорок градусов? – спрашивает она, когда я толкую про мактвист. – Откуда вы знаете, что повернулись именно на пятьсот сорок градусов?

И мы теряем время, высчитывая градусы. Но пятьсот сорок – это триста шестьдесят плюс сто восемьдесят – другими словами, сделать вращение и потом полувращение. Мама выглядит несколько разочарованной, когда я ей это объясняю. Думаю, она надеется, что скейтинг превратит меня в какого-то математического гения и что я буду считать в голове, когда другие парни пользуются компьютером. ТХ, кстати, делал девятьсот градусов. Может быть, если я объясню вам, что это абсолютно невозможно, то вы поймете, почему стоит увековечить его имя, назвав в его честь какую-либо страну.

Мактвист – это в самом деле трудно, и я пока что даже не помышляю о нем, потому что, пока тренируешься, досыта наедаешься бетонной пылью. Невозможно сделать трюк, не шлепаясь каждую пару минут, но это уж по части Кроля. Он такой толстый, что не важно, сколько пыли он сожрет. Он потерял триста зубов, катаясь. Я удивляюсь, почему парни, которые стерегут Грайнд-Сити ночью, не выкладывают эти зубы по верху стены, чтобы через нее не лазал кто попало, – как другие используют куски битого стекла.

Этот день недели был для меня не очень-то удачным. Я работал не в полную силу: не мог отделаться от мысли о вечернем походе в кино. Я знаю, это звучит глупо, но уж очень не хотелось появляться там с опухшей, окровавленной губой, а статистика утверждает, что губу я чаще всего разбиваю в воскресенье, а не в другие дни.

Кроль заметил, что я ленюсь выделывать олли, и подъехал ко мне.

– Что с тобой? Колесо посеял?

– Ну, вроде того.

– Что самое худшее может с тобой приключиться? Я пятнадцать раз разбивался, занимаясь скейтингом. Хуже всего по пути в больницу – болит все страшно. Лежишь, стонешь, весь в кровище. И думаешь: стоит оно того? Но потом они дают какую-то дрянь, и боль проходит. Это если ты в сознании. Если без сознания – тебе ничего и не нужно. Пока не очухаешься.

– Звучит здорово.

– Это вот моя философия. Сам знаешь, от боли не помрешь. Если только не будет совсем уж худо.

– Да. Спасибо. Тут есть над чем подумать.

– Правда? – Казалось, он был удивлен.

Не думаю, что кто-нибудь говорил Кролю, что в его словах есть над чем подумать. Это потому, что я на самом деле его не слушал.

Я не собирался ему ничего сообщать, потому что какой смысл объяснять что-либо Кролю? Но потом я подумал, что молчание про Алисию меня убьет. И если я не скажу ему, мне придется, придя домой, рассказать об этом маме или ТХ. Иногда не важно, с кем ты говоришь, – говоришь, и все. Потому-то я проводил полжизни, беседуя с плакатом, изображающим скейлера в натуральную величину. Кроль, по крайней мере, живой человек.

– Я встретил девчонку.

– Где?

– Какая разница! – (Похоже, разговор будет не из приятных.)

– Я всегда пытаюсь представить себе картинку, – пояснил Кроль.

– В гостях у маминой подруги.

– Так она старая?

– Нет. Моих лет.

– Так что же она делала в гостях?

– Жила там, – начал я. – Она...

– Жила в гостях? – удивился Кроль. – Как это?

Я был неправ. Плакату легче все объяснить.

– Она не живет в гостях. Она живет у себя дома. А мы там были в гостях. Она дочка маминой подруги.

Кроль повторил про себя то, что я сказал, будто это была самая сложная фраза за всю историю человечества.

– Погоди-ка... Дочка... маминой... подруги... Ага. Врубился!

– Вот и хорошо. У нас с ней сегодня свидание. Идем в кино. А я волнуюсь, что морду расквашу.

– Зачем ей расквашивать тебе морду?

– Нет, нет. Я не волнуюсь, что она расквасит мне морду. Я волнуюсь, что приду к ней с расквашенной мордой. Шлепнусь сейчас, катаюсь. Видок у меня после этого, сам знаешь, ужасный.

– Упс... – произнес Кроль. – Она хоть из себя ничего?

– Еще как! – Я был убежден, что это правда, но не помнил, как она на самом деле выглядит. Я так много думал о ней, что ее образ выпал из памяти.

– А, ну да, – кивнул Кроль.

– Что ты имеешь в виду?

– Она из себя ничего, а ты – нет, да?

– Да, знаю. Но спасибо, что повысил мою самооценку, – поблагодарил я.

– А я вот что думаю, – отозвался Кроль, – лучше бы тебе расквасить физиономию.

– Зачем?

– Ну смотри, ты расхаживаешь, например, с синяками под каждым глазом или даже со сломанным носом. Ты можешь сказать, что выглядишь плохо, потому что разбился на скейтинге. Но если ты все время такой... Какое у тебя оправдание?

Хватит с меня. Пытался я поговорить с Кролем, но это бесполезно. И не просто бесполезно – это подавляет. Я в самом деле нервничал при мысли о том, как пойду в кино с Алисией. Если на то пошло, я не помню, чтобы вообще так из-за чего-нибудь нервничал, разве что в первый день в первом классе. А этот дурак говорит мне, что мой единственный шанс – расквасить себе ряшку, чтобы она не увидела, как я выгляжу в действительности.

– Знаешь что, Кроль, ты прав. Не буду лениться. Целый день сегодня – шовиты и гейтвисты.

– Вот это мужик!

А потом, не успев оторвать от меня взгляда, я взял в руки свою доску и пошел прямо к воротам – и дальше по улице. Я хотел поговорить с ТХ.

По пути домой я понял, что еще ни о чем конкретном с Алисией не договорился. Когда подошел автобус, я двинулся вперед по салону и сел прямо за кабиной водителя. Рядом со мной никого не было. Я достал из кармана ее карточку и набрал номер.

Она не узнала меня по голосу, и на какое-то мгновение я почувствовал себя нехорошо. Что, если я все это сам себе напридумывал? Нет, конечно, это не игра моего воображения. Но может, она вовсе не вела себя со мной так напористо, как мне это запомнилось, и про кино сказала так просто...

– О, привет! – сказала она, и я как будто слышал, как она улыбается. – А я уж боялась, что ты не позвонишь.

И мне опять стало хорошо.

Слушайте, я знаю, что вы не хотите читать про каждую пустяковину. Вам неинтересно знать, на какое время мы с ней договорились и все такое. Все, что я пытаюсь вам втолковать, так это то, что день тот был совершенно особенным, и я запомнил каждую его секунду. Я помню погоду, помню, чем пахло в автобусе, помню царапину с корочкой на моем носу, которую я скосырнул, когда звонил ей по мобильнику. Помню, что сказал ТХ, когда я пришел домой, и что надел, когда пошел на свидание, и во что она была одета, и как легко все стало, когда увидел ее. Может быть, некоторые решат, учитывая последующие события, что это были какие-то сюси-пусы, как обычно у юнцов. Но нет. Даже близко ничего такого.

Мы и в кино-то не пошли. Сначала болтали на улице, а потом пошли в кафешку в соседнем подъезде и там сидели. То и дело один из нас говорил: «Пойдем, пора», но ни она, ни я не двигались с места. Это была ее идея вернуться к ней домой. И когда пришло время заняться сексом – это была тоже ее идея. Но я забегаю вперед.

Думаю, до тех пор я немного ее побаивался. Она была такая красивая, и ее мама с папой были такие напыщенные, и я переживал, что она решит, будто я всего лишь парень ее возраста, пришедший со своей мамой в гости к ее маме, а это вовсе не значит, что нам надо встречаться. Вечер закончился, гости ушли, и она может условиться о встрече с кем-то другим, с кем захочет.

Но на самом деле в ней не было ничего пугающего. Ничего навороченного. Она даже не была такой уж башковитой. То есть нет, тупой-то она тоже не была. Но если знать, что мама ее работает в городском совете, а папа преподает в универе, можно подумать, что она круглая отличница. А она полвечера говорила о том, какие уроки она прогуляла, и о всяких неприятностях, которые у нее были в школе, и о том, сколько раз ее за это вздрючили. Ее как раз отчихвостили в тот вечер, когда были гости, потому она и была дома. А все это – что она якобы хотела меня видеть, – это было вранье полное, как я и думал.

И в колледж она не хотела.

– А ты хочешь? – спросила она.

– Да. Конечно.

– Почему «конечно»?

– Не знаю...

Хотя я-то знал. Но не хотел распространяться об истории моей семейки. Если бы она узнала, что у нас вообще никто – родители, дедушки-бабушки, прадедушки-прабабушки – не закончил колледжа, тогда точно решила бы, что ей не стоит на меня тратить время.

– Ну так куда же ты пойдешь, – спросил я, – когда закончишь школу?..

– Не хочу говорить...

– Почему?

– Ты решишь, что это что-то такое выпендренное.

– Как это может быть, если это совсем наоборот?.. Ты же учиться не хочешь?

– Знаешь, выпендриваться можно по-разному. То, о чем я говорю, там нет никаких экзаменов или чего-то в этом роде.

Я совсем потерялся. Мне никогда не приходило в голову, что о чем-то, не имеющем отношения к экзаменам, можно сказать, что оно выпендренное. Ведь что это значит – выпендренное? Это когда кто-то выставляет себя напоказ. То есть важничает, какой он умный, да? Разве кто-нибудь скажет, что ТХ выпендривается, потому что любит опасные трюки?

– Клянусь, не скажу, что ты выпендриваешься.

– Я хочу быть моделью.

Да, теперь я понял, что она имеет в виду. Она – показушница. Но что она предполагала услышать в ответ? Щекотливая ситуация, доложу я вам. Я что хочу сказать: не дай вам бог встречаться с кем-то, кто вот так напрямую говорит, что хочет стать моделью, потому что ведь все мы этого хотим, да? С кем-то, кто и выглядит как модель, только грудь не такая плоская. Другими словами, если вы встречались с кем-либо, кто говорит, что хочет быть моделью, вы и без меня понимаете, что веселого в этом мало. (Особенно избегайте некрасивых девушек, которые хотят быть моделями. Не потому избегайте, что они некрасивые, а потому, что они чокнутые.)

Я не много знал тогда про модельный бизнес да и сейчас знаю немногим больше. Алисия была хорошенькой, но не худой, как грабли, и у нее были родинки. Поэтому я не знал, есть ли у нее шанс стать новой Кейт Мосс. Может, и нет. И еще я не знал, почему она мне это сказала: потому что у нее действительно такие планы или ей хотелось услышать от меня, как она мне нравится?

– Все это не выпендренное, – сказал я. – Ты легко можешь стать моделью, если захочешь.

Я знал, что говорю. Я хотел во что бы то ни стало повысить свои шансы с Алисией. Не знаю, поверила ли она, но это было не важно.

В тот вечер мы впервые вместе легли в постель.

– Ты прихватил кое-что? – спросила она, когда стало очевидно, что нам нужно кое-что.

– Нет. Конечно нет.

– Почему «конечно нет?»

– Потому что... Я же думал, мы в кино пойдем.

– И ты не носишь это с собой? Просто на всякий случай?

Я отрицательно покачал головой. Я знал одноклассников, которые так делают, но они просто пыль в глаза пускали, большинство из них по крайней мере. Был один парень, Робби Брэди, так он один и тот же пакетик с «Дюрексом» показывал мне пятнадцать раз. Ну, каждый может купить их, и я тоже, купить – не проблема. Но я ничего не сказал. Я всегда думал так: если мне эта штука понадобится, я всегда заранее ей запасусь, потому что такой уж я человек. Я никогда не рассуждал подобным образом: а вдруг сегодня вечером мне придется трахнуть кого-нибудь, кого я сейчас вообще еще не знаю, так прихватю-ка я презерватив. Я всегда надеялся, что это будет спланировано как-то получше. Я думал, что мы как-то загодя это обговорим, так что будем оба к этому готовы, и это пройдет как-то по-особенному, без напряжения. Мне никогда не нравились всякие истории, которые я слышал от парней в школе. Они всегда себе льстили, но это не походило на тот секс, о котором в книжках читаешь и видишь в порнофильмах. Это всегда было впопыхах, иногда прямо на улице, а иногда рядом находились другие люди. Я убежден, что скорее вообще не стал бы заниматься сексом, чем развлекаться таким манером.

– Ох, да ты славный мальчуган, – сказала Алисия. – Мой последний парень повсюду носил с собой кондомы.

Видите? То, что я и думал. Он всегда носил с собой кондомы и никогда ими не пользовался, потому что Алисия ему не давала, а не давала потому, что ей не нравилось, как он на нее давит. Иногда презерватив на самом деле по-настоящему помогает, чтобы не залететь. Если ты такой парень, который носит с собой кондом постоянно, никто с тобой по-всякому спать не станет, так ведь? Но по крайней мере, я был с девушкой, которая хотела секса со мной. Только мне от этого было не легче. У бывшего парня Алисии не было с ней секса потому, что он носил с собой презерватив, а у меня – потому, что я не ношу. Но она хотела секса со мной. Так что в целом я был рад, что я – это я, а не он.

– Давай пойдем стащим один, – предложила Алисия.

– Где?

– В спальне у моих предков.

Мы встали и пошли к двери. На ней не было ничего, кроме футболки и кроссовок, так что не нужно было быть великим провидцем, чтобы понять, что творилось в ее комнате.

– Меня же убьют, – испугался я.

– Не будь таким слизняком! – возмутилась она, но я так и не понял, почему бояться, что тебя убьют, – значит быть слизняком. По-моему, это просто нормальный здравый смысл.

И вот я где-то минуты две лежал в постели в ее спальне и пытался припомнить, как мы оказались здесь. По правде говоря, особых усилий не потребовалось. Мы вошли, поздоровались с ее мамой и папой, поднялись по лестнице – и вот мы на месте. Мы никогда об этом не говорили. Мы просто делали то, чего нам хотелось. Хотя я был убежден, что она хотела проделать все это из-за своего бывшего. Я тут был так, сбоку припека. Я имею в виду, что если бы она меня терпеть не могла, то, конечно, не стала бы этого делать. Но я помнил, как она мне тогда, при первом разговоре, сказала, что может передумать, и я догадывался: она почему-то хочет того парня вернуть. Она как будто собиралась над ним поиздеваться. Он-то настаивал, она говорила «нет», тогда он послал ее к черту. Вот она и решила переспать с первым встречным, мало-мальски пристойным с виду. Держу пари, что, если бы у нас был секс в тот вечер, это не осталось бы между нами. Она уж как-нибудь дала бы ему знать, что она больше не девочка. Это у нее было вроде пунктика.

И вдруг мне расхотелось делать это. Знаю, знаю. Вот красивая девчонка, которая мне на самом деле нравится, и она ведет меня к себе в спальню, и понятно, что не просто так. Но когда я понял, что к чему, мне как-то стало казаться, что это неправильно. Нас было трое в койке, она, я и он, и я прикинул, что, поскольку у меня это в первый раз, хорошо бы, чтоб нас было поменьше. Я решил подождать, пока он уйдет, чтобы быть уверенным, что ей в самом деле это интересно.

Алисия вернулась, держа в пальцах маленький серебристый пакетик.

– Та-ра-ра! – пропела она, помахивая им в воздухе.

– А ты уверена, что он качественный? Не просроченный?

Не знаю, почему я это сказал. То есть знаю почему: потому что искал какой-нибудь повод. Но я мог использовать кучу предлогов, и этот был не лучший.

– Почему бы ему не быть качественным? – спросила она.

– Не знаю.

Я и вправду не знал.

– Потому что он папин?

«Может, и да, это я и имел в виду», – подумалось мне.

– Думаешь, у них и секса никогда не бывает? И презервативы валяются годами?

Я ничего не ответил. Но именно об этом я и думал – странно, правда? Поверьте мне, я знаю, что родители занимаются сексом. Но думаю, что не был в курсе, как с этим обстоит дело у родителей, которые живут вместе. Для меня как-то само собой подразумевалось, что у родителей, которые живут вместе, секс бывает реже, чем у тех, кто живет врозь. Меня сбило

с толку, что у них вообще есть презервативы. Если у людей они есть, значит они вообще-то занимаются сексом, причем все время, правда? Их покупают люди, которые реально ими пользуются.

Она посмотрела на ценник.

– Срок годности – двадцать первое сентября две тысячи пятого года.

(Если вы читаете это в будущем, я скажу вам, что это было задолго до 21 сентября 2005 года. У нас было много времени, чтобы использовать этот презерватив. Годы и годы.)

Она протянула мне упаковку.

– Бери. Нам он не понадобится.

– Почему?

– Потому что уже поздно, и мама с папой знают, что ты здесь. Они скоро начнут стучаться. Они всегда это делают, если парень задерживается у меня слишком надолго.

На моем лице, наверное, застыло какое-то особенное выражение, потому что она встала на колени перед кроватью и поцеловала меня в щеку.

– Извини! Я не хотела так вот...

– А как ты хотела?

Я сказал первое, что пришло мне в голову. Я-то сам хотел, чтобы было совсем поздно. Ее родители забарабанили бы в дверь, и я бы быстренько оделся и пошел домой.

– Ты не хочешь заниматься этим, правда? – спросила она.

– Не хочу... – промямлил я. И сразу же добавил: – Нет-нет, хочу...

Она засмеялась.

– То есть я тебя не смутила, а?

– Не понимаю, почему ты этого захотела, – сказал я. – Ты говорила, что с бывшим своим парнем не была к этому готова.

– Не была.

– А почему тогда со мной?..

– Ты мне нравишься.

– Значит, он не слишком-то тебе нравился?

– Нет, не очень. То есть сперва нравился, потом разонравился.

Больше я ей вопросов не задал. Смысла не имело. Выходило так, словно она решила переспать со мной побыстрее, пока я ей не разонравился. Как будто она знала, что завтра я ей нравиться не буду, – так что надо все проделать сегодня. Хотя если посмотреть с другой стороны, все такие. Я имею в виду, спишь с человеком, потому что он тебе пока что не осточертел, а осточертеет – больше не спишь.

– Если ничего не хочешь, почему бы тебе не уйти?

– Хорошо. Сейчас.

И я встал, и она расплакалась. И я не знал, что делать.

– Лучше бы я не говорила тебе, что хочу стать моделью. Я чувствую себя так глупо.

– Это как раз совсем не странно, – сказал я. – Тут другое... Я думаю, что ты не в моей лиге.

– «Не в моей лиге»? – переспросила она. – Откуда это?

Я знал откуда. Это мамино выражение, которой было шестнадцать лет, когда я родился. Если кто-нибудь помнит историю моей семьи, он все поймет. Ей я ничего не объяснил. Я сел на постели и взял ее за руку, и она перестала плакать и стала целовать меня, и в конце концов у нас с ней случился секс, хотя я уже решил, что этого не произойдет. И если даже я побью рекорд ТХ – это все равно будет круче.

Когда я пришел домой, я все рассказал ТХ. Я должен был с кем-то этим поделиться, но говорить об этих вещах трудно, так что лучше всего выложить постеру. Думаю, он меня одобрил. По всему, что я знаю, Алисия ему понравилась бы.

* * *

Следующие несколько недель я посещал школу как во сне. Вся жизнь была как во сне. Я просто ждал. Я помню, как ждал автобуса, который вез меня от моего дома к ней. И внезапно понимал, что ждать автобуса гораздо легче, чем всего остального, потому что все равно все время ждешь. Когда я ждал автобуса, мне не нужно было делать больше ничего, только ждать, поэтому это было не так тяжело. Я ждал и за завтраком, потому ел не много. Я ждал и когда спал, потому и спал мало, хотя и хотел бы дольше, ведь сон – это хороший способ провести лишние восемь часов. Ждал я и в школе, и потому не помню, кто там о чем говорил на уроках или на переменах. Ждал, когда смотрел телевизор, так что я не следил, какая там идет программа. Я ждал, даже катаясь: мне это виделось так, что я могу заниматься только скейтингом, пока Алисия занята чем-то другим.

Хотя обычно Алисия ничем другим не занималась. В это трудно поверить. Она хотела быть со мной так же сильно, как я хотел быть с ней, по крайней мере насколько я знаю.

Мы мало чем занимались. Мы смотрели телевизор в ее комнате, а иногда и внизу, особенно когда ее родителей не было дома. Временами гуляли в парке. Помните эти сценки в фильмах, когда показывают, как парочка смеется, и держится за руки, и целуется в куче разных мест под какую-нибудь мелодию? Вот и мы так, только не ходили в кучу разных мест. Для нас существовало всего три места, включая комнату Алисии.

Мы были в Клайссолдском парке, когда Алисия сказала, что любит меня. Я не знал, как отреагировать, и ответил, что тоже люблю ее. Было бы слишком грубо с моей стороны не сказать этого.

– Правда? – спросила она. – Ты правда меня любишь?

– Да, – кивнул я.

– Не верю. Никто прежде не признавался мне в любви.

– А ты кому-нибудь раньше такое говорила?

– Нет. Клянусь, никому.

«Тогда понятно, почему она этого не слышала», – подумал я. Потому что, если девушка говорит, что любит тебя, ты как бы обязан ответить ей тем же. Так ведь? Надо быть уж очень черствым, чтобы не сделать этого.

И в конце-то концов, я любил ее. Кто-то, типа моя мама, мог бы сказать: «Ох, ты еще ребенок, ты не знаешь, что такое любовь». Но я не думал ни о чем, кроме того, чтобы быть с Алисией, и только когда был с ней, я чувствовал, что нахожусь там, где хочу. Думаю, это и есть любовь, так ведь? Та любовь, о которой говорила моя мама, – это когда беспокоишься, и грустишь, и прощаешь человека, и миришься с какими-то вещами, и все такое. Если это на самом деле любовь, то, о чем говорит моя мама, тогда никто сам не знает, любит ли он кого-то, правда? Похоже, она подразумевала вот что: если ты по-настоящему убежден, что любишь кого-то, вот как я был уверен в эти недели, это значит, что ты не можешь его реально любить, потому что любовь – это совсем-совсем другое. Если пытаться разобраться, что она имеет в виду под любовью, голову сломаешь.

* * *

Мама не хотела, чтобы я все время проводил с Алисией. Она стала заводиться по поводу этого через пару недель. О сексе я с ней не говорил, но она подозревала, что у меня это серьезно, и у Алисии тоже. И она видела, что я сплю на ходу, потому что собственными глазами наблюдала.

Однажды вечером я пришел поздно, и она меня ждала.

– Как насчет того, чтобы завтрашний вечер провести дома? – спросила она. – DVD посмотреть?

Я ничего не ответил.

– Или мы можем погулять, если хочешь. Сходим в пиццерию.

Я опять промолчал.

– Пиццерию и кино. Как насчет этого?

– Нет, ты очень хорошая... – сказал я, будто она была со мной милой и предлагала что-то дельное. То есть так, конечно, и было. Она предлагала мне пиццу и кино. Но с другой стороны, она собиралась помешать мне делать то, что я хотел, и она это знала, и я это знал.

– Давай я скажу по-другому, – продолжила она. – Проведем вечер вдвоем. Чего ты хочешь? Твой выбор.

Теперь обо мне. Я не хотел быть плохим. Может, вы думаете, что это дурно – спать с Алисией, но я так не чувствовал и не считал, что поступаю хреново. Я говорю о вещах, о которых я точно знаю, что это неправильно. Вы встречаете в школе ребят, которые ругают учителей и собачатся с другими ребятами, которых считают геями, или ругают ребят, которых считают геями, и собачатся с учителями... Я так не могу и никогда не смогу. Я ненавижу врать, тем более воровать. Я однажды попытался стянуть какие-то деньги из маминого кошелька, но мне стало вдруг так противно, что я сразу же положил их на место. Я имею в виду, я больше всего на свете терпеть не могу Райана Бриггса. Он ужасный, злобный, жуткий урод. Однако, когда я вижу, как он лупит детишек по физиономиям и отбирает у них мобильники или посылает учителя по матери, какая-то часть меня его одобряет – знаете почему? Он здоровый, без комплексов. Это несложно – быть им. Жить вообще легче, когда не заморачиваешься. А я заморачиваюсь. Я понимаю, что то, о чем просит мама, в порядке вещей. Она уговаривает меня провести один вечер без Алисии и предлагает кое-что взамен. Я пытаюсь не воспринимать все это так, как она, но не могу, и потому у меня скверно на душе.

– А Алисия может пойти с нами?

– Нет. В этом и состоит смысл вечера.

– Почему?

– Потому что ты с ней проводишь слишком много времени.

– Почему это тебя напрягает?

– Это нездорово.

Это правда, что я сейчас мало гуляю, но она имеет в виду нечто другое. Хотя я не знаю, что конкретно.

– Что это значит – нездорово?

– Ты забросил все на свете.

– Что именно?

– Друзей. Уроки. Семью. Скейтинг... Все. Жизнь.

Все было совершенно наоборот, потому что жизнь моя только и начиналась, когда я был с Алисией. А все, что она перечислила, – это было только ожидание.

– Всего один вечер, – сказала она. – Это тебя не убьет.

* * *

Да, это меня не убило. На следующее утро после похода в пиццерию и в кино я проснулся и был все еще жив. Но это походило на те пытки, о которых читаешь, будто они хуже смерти, потому что на самом деле ты предпочел бы сдохнуть. Боюсь, я недостаточно уважительно отзываюсь о тех, кто в действительности пережил подобные пытки. Но такое сравнение ближе всего. (И это, кстати, одна из причин, почему я никогда не стану военным. Я реально ужасно боюсь пыток. Я не утверждаю, что те, которые становятся военными, хотят,

чтобы их истязали. Но они не могут не думать об этом, правда? Так что они должны сделать для себя выбор – или, например, сидение без работы, или вкалывание в офисе. А на мой вкус, лучше торчать в офисе, чем чтобы тебя мучили. Только не поймите неправильно. Я не хотел бы трудиться на скучной работе, типа снова и снова делать фотокопии листа бумаги, изо дня в день, пока не помру. Но это куда приятнее, чем зажженная сигарета в глаз. Это не мой выбор.)

Несколько недель подряд было достаточно тяжело просыпаться каждое утро и знать, что увижусь с ней только вечером, после школы. Это была мука мученическая. Как будто ногти у тебя вырывают один за другим. Но в тот день, когда мы ходили с мамой в пиццерию, я проснулся с мыслью, что не увижу ее ДО ЗАВТРАШНЕГО ВЕЧЕРА, и это было скорее похоже на ту пытку, описание которой Райан Бриггс скачал из Интернета. Я особенно не вдавался в подробности, но она заключалась в травле собаками на яйца – не куриные, само собой. У меня до сих пор холодок бежит по спине, когда я об этом вспоминаю.

Отлично, не видеть Алисию сорок восемь часов – это не то что тебе твои яйца... Но это все равно что не дышать. Или дышать поверхностно, будто в твоём баллоне не хватает кислорода. Все это время я не мог сделать полноценного вдоха и даже начал паниковать немного – ну, как если ты на морском дне, на поверхность выбираться долго, а кругом плавают акулы... Ну и все такое. Нет, не совсем то. Собак не было, и ничего такого, и акул не было. За акулу могла бы сойти мама, но это слишком натянутое сравнение. Она просто хотела купить мне пиццу. Она не пыталась вырвать мне внутренности своими зубами. Поэтому я оборвал бы фразу на этом месте: на поверхность выбираться долго. Алисия равняется поверхности.

– Могу я позвонить? – спросил я у мамы, когда пришел домой.

– А тебе надо?

– Угу.

Да. Надо было. Иначе не сказать.

– Мы скоро уходим.

– Сейчас полпятого. Кто ест пиццу в полпятого?

– Пицца – в полпятого. Фильм – в полшестого.

– Что мы будем смотреть?

– Как насчет «Горбатой горы»?

– Да ладно!

– Что это значит: «Да ладно»?

– Так мы говорим, когда кто-то тупит или что-то в этом роде.

– И кто здесь тупит?

И тогда я понял, что она не шутит. Она действительно хочет, чтобы мы с ней вдвоем пошли и посмотрели «Горбатую гору». Мы, когда этот фильм появился, сразу начали звать одного учителя в школе Горбатый, потому что он в самом деле сутулился и все считали, что он гей.

– А ты хоть знаешь, про что это? – спросил я.

– Да. Про гору.

– Прекрати, мама! Не могу я идти на этот фильм. Меня завтра в школе задолбают.

– Тебя задолбают за то, что ты посмотрел кино про голубых ковбоев?

– Да. Иначе зачем я пошел смотреть это кино? Ответ один!

– Боже мой, – сказала мама. – Неужели у вас в школе все так запущено?!

– А то, – сказал я, потому что так оно и было.

Мы решили, что посмотрим, не идет ли какой-нибудь другой фильм, а потом я позвонил Алисии на мобильник и тут же получил в ответ сообщение, что, мол, телефон отключен. Я позвонил еще раз через пару минут, и снова это сообщение, затем я звонил каждые тридцать секунд – все по-прежнему. Мне на какое-то мгновение показалось, что я вообще

не смогу с ней больше никогда поговорить. И у меня начались... ну, типа, черные мысли. Чего это она не берет трубку? Она не могла не знать, что я пытаюсь до нее дозвониться. Она знала, что сегодня у нас паршивый день. Вчера вечером, когда я сказал, что мама не хочет, чтобы мы завтра виделись, она заплакала. А сейчас ей как будто и дела нет, если только она не с кем-то другим. И я подумал, знаете: «Черт ее подери! Какая сука! Я один вечер с ней не встречаюсь, а она уже нашла себе другого. Так они и называются, такие девчонки. Ну правда, если вы ни одного вечера без секса прожить не можете – это же нимфомания. Правда? У вас проблема! Она как наркоманка, только вместо наркотика – секс».

Действительно. Вот на что это похоже. И знаете, что я думал потом, немного успокоившись? Что в этом есть что-то нездоровое. Нельзя же так вот называть свою девушку сукой и нимфоманкой только потому, что у нее сломалась зарядка от мобильного. (Именно это и случилось. Она мне потом послала эсмэску, когда смогла подзарядить мобильник папиным зарядным устройством. Это была милая эсмэска, правда.)

Так или иначе, я пребывал в таком настроении, какое подразумевало не лучшее начало. Мы пошли в торговый центр, в тамошний кинотеатр, смотреть, что там идет кроме «Горбатой горы», а там мало что показывали. То есть не совсем. Там было много такого, что я хотел бы посмотреть, например «Кинг-Конг», всего за пятьдесят центов, и много такого, что хотела бы посмотреть мама, например что-то про садоводство и про японских девочек, которым делают крохотные ступни. Но не было ничего такого, что хотели бы посмотреть мы оба. И мы так долго спорили, что не успели съесть пиццу, и нам пришлось ее доедать на ходу по пути в кино. Мы попали на дурацкий фильм про мужика, который по ошибке проглотил кусок своего мобильного, и получилось так, что все текстовые сообщения проходили через его мозги. Сначала была куча сообщений от девчонок, которые разобиделись на своих парней. А затем он получил сообщение о том, что какие-то террористы хотят взорвать мост в Нью-Йорке, и он вместе с одной девушкой помешал им. Ну хоть скучно не было. Но маму оно достало, мы с ней потом поспорили. Она сказала, что проглотить мобильник – это нелепо, а я отвечал, что мы не в курсе, что случится, если мы проглотим, может быть, это не так уж и дико. Но она даже не дала мне объяснить, что, на мой взгляд, глупее всего в этом фильме. Она сразу же свернула на то, как мне вывихнули мозги все эти видеоигры и телик.

Все это сейчас не важно. Важно, что в тот вечер мама встретила одного парня. Знаю-знаю. Предполагалось, что мы с мамой проведем вечер вместе, и мы с Алисией не увидимся. Но тут произошло кое-что еще. Буду справедлив к маме: то, что она встретила этого мужика, много времени у нас не отняло. Я даже и узнал-то об этом только через несколько дней. (То есть, точнее, я знал, что она встретила мужика. Я не имел понятия, что она Встретила Мужика, если понимаете, о чем это я.) Мы ждали пиццу, и нам предложили сесть за столик у двери, который специально для тех, кто берет пиццу навынос. Тут я отошел в туалет, а когда вернулся, мама болтала с этим мужиком, который сидел за соседним столиком со своим ребеночком. Они говорили о пицце, потом о том, какие бывают пиццерии, и так далее. Но когда нам принесли упаковку с пиццей, я сказал маме:

– А ты времени зря не теряешь!

Она в ответ:

– Да уж, я такая...

Ну и пошло-поехало. Она тогда ничего об этом мужике не сказала. Не сообщила, что знает его по работе. Он несколько лет назад уволился, но ее запомнил, хотя на службе они ни разу друг с другом не говорили. Они работали в разных отделах, мама – в культуре и отдыхе, а Марк (марка-помарка) в отделе здравоохранения и социального обеспечения. Когда он осмотрелся, то сказал себе, что у него-то в Айлингтоне не будет времени позаботиться о собственном здоровье.

Мы шли домой. Мы спорили о фильме, а потом мама попыталась заговорить со мной об Алисии.

– Не говори ничего, – прервал ее я. И потом: – Поэтому я и не хотел идти. Ты хочешь Разговора. – Я так это произнес, что слышна была большая буква. – Почему нельзя просто так гулять и говорить о пустяках?

– А когда мне с тобой поговорить? – спросила она. – Тебя же никогда нет дома.

– У меня появилась девушка, – ответил я. – Вот и все. И говорить больше не о чем. Ну, хочешь – спрашивай. Спрашивай, появилась ли у меня девушка...

– Сэмми...

– Ну, продолжай.

– А еще вопросик можно?

– Только один.

– Сексом вы занимаетесь?

– А ты?

Я что хотел сказать: о таком нельзя спрашивать. Это слишком личное. Но с тех пор как она разругалась с недоделанным Стивом, она ни с кем больше не встречалась, поэтому без малейшего замешательства ответила:

– Нет.

– Ну... а был у тебя секс?

– Что ты имеешь в виду? – переспросила она. – Был ли у меня секс когда-то раньше?

Я бы сказала, ты – живой ответ на этот вопрос.

– Хватит! – оборвал я ее. Не стоило нам заводить этот разговор.

– Давай забудем обо мне. А как насчет тебя? У тебя был секс?

– Не скажу. Не твоё дело.

– Значит, да. Не было бы – сказал бы.

– Не сказал бы. Так и так ничего не сказал бы. И это была твоя идея.

– Что именно?

– Алисия. Ты думала, она мне понравится, вот и взяла меня с собой в гости. Ну, она мне и понравилась.

– Сэм, ты знаешь, что когда ты у меня родился...

– Знаю. После этого вся твоя жизнь пошла на хер.

Я вообще-то никогда так при ней не выражаюсь, потому что она всегда на это сердится. Не из-за самих этих слов даже: просто она начинает чувствовать себя матерью-одиночкой, которая не смогла как следует воспитать своего сына. И мне это было очень противно. Я-то думаю, она неплохо поработала. Я имею в виду, что я не худший парень на свете, правда? Но я специально сейчас выругался, чтобы она подумала, что обидела меня, даже если на самом деле я и не оскорбился особо.

Странно это – знать, что мое рождение выбило ее из колеи. Это не беспокоило меня по двум причинам. Первая, что это всяко не моя вина, а ее – ее и папина. А вторая, что она довольно быстро в свою колею вернулась. Всего того, что она упустила из-за моего рождения, она потом более или менее достигла. Можно даже сказать, она превзошла себя. В школе мама особенно не блистала, но потом так переживала о неоконченном образовании, что подстегивала себя в два раза сильнее. Она пошла на вечерние курсы, получила специальность, нашла работу в муниципалитете. А не забеременей, она бы в шестнадцать лет окончила школу, устроилась на работу продавщицей в магазин и родила бы ребенка в двадцать. Я не хочу сказать, что это была хорошая идея – родить меня тогда, когда она сподобилась, но это разрушило только маленькую часть ее жизни, а не всю. И все же это всегда с нами. Поэтому когда я хочу уйти от разговора – например, о том, был ли у меня секс с Алисией, – тогда я выдаю гнусным голосом, что из-за меня вся ее жизнь пошла на хер. И та тема, от которой

я хочу уйти, сразу забывается. Я никогда не говорил ей, что чувствую себя «не в той лиге» из-за случившегося.

– Ой, Сэм, извини...

– Ничего-ничего... – Я произнес это таким стоическим тоном, что она поняла: очень даже «чего». – Но ведь не то чтобы ты о чем-то беспокоилась, правда? – спросил я.

– Не знаю, о чем я беспокоюсь. Могу я с ней пообщаться как следует?

– С кем?

– С Алисией. Может она прийти к нам в гости как-нибудь вечером?

– Если хочешь.

– Я бы хотела. Тогда бы я ее не боялась.

Бояться Алисии?! Думаю, теперь я в состоянии это понять, однако тогда не смог здраво оценить. Мама боялась, что все изменится, она останется наедине с собой, а я стану частью чужой жизни и чужой семьи, вырасту, не буду больше ее маленьким мальчиком, стану кем-то другим... Что-нибудь в этом духе – не знаю. И хотя мы тогда не представляли себе, что еще произойдет, она была права, что беспокоилась обо мне. Лучше бы она и в самом деле в ту пору подсутилась – привела меня той ночью домой, заперла в моей комнате и выбросила бы ключ.

* * *

И вот следующим вечером мы вели себя так, словно два дня не могли дышать, и всей грудью вдыхали друг друга, и говорили друг другу разные глупости, и ощущали себя так, будто мы Ромео и Джульетта и весь мир против нас. Это я о нас с Алисией, кстати, а не о нас с мамой. Мы так жадно общались, будто мама увезла меня на год в Лондон, а не взяла с собой в пиццерию и кино на один вечер.

Помните, что я говорил раньше? О том, что рассказать историю труднее, чем кажется, потому что не знаешь, что в каком порядке выкладывать? Но вот эту часть истории, которую стоит поведать сейчас, ее не знает никто, даже Алисия. Самое главное в этой истории – самая суть – проявилось не сразу. И когда это случилось на самом деле, я понял, что напуган, поражен, растерян. То есть я был испуган и растерян, но сказать, что так уж поражен, – это будет не совсем честно. Это случилось той ночью, я знаю это. Я никогда ничего не рассказывал об этом Алисии, но это моя вина. Ну, очевидно, что в основном это мой грех, но небольшой грешок числится и за ней. Мы не надели кое-чего, потому что она сказала, что хочет чувствовать меня по-настоящему, и... Ох, я не могу говорить об этом. Я стесняюсь. В общем, кое-что случилось. Ну, наполовину случилось. Я имею в виду, что это не произошло в полном смысле слова, поскольку я все же смог дотянуться до презерватива и надеть его, и сделать вид, что все в порядке. Но я знал, что не все в порядке, потому что, когда то, что должно произойти, реально случилось, оно вышло неправильно, так как уже наполовину свершилось раньше. Все, это в последний раз я, знаете ли, вдаюсь в такие подробности.

– Все в порядке? – спросила Алисия.

Она поинтересовалась не так, как обычно, что-то было по-другому. Может, она почувствовала нечто, может, это я себя вел как-то необычно, а может, у меня был какой-то отсутствующий вид, не знаю. Но я сказал ей, что все в порядке, и мы об этом забыли. Не имею понятия, догадалась ли она, что это было именно в тот вечер. Не в курсе. Мы никогда к этому потом не возвращались.

Что всего неправдоподобнее, так это то, что приходится потом нервничать всю жизнь из-за каких-то пяти секунд. Удивительно, если задумаешься над этим. Я не курил траву, не посылал учителей в задницу, не дрался, старался делать уроки. Но я рискнул – какие-то пять секунд, – и это казалось хуже, чем все остальное, вместе взятое. Я читал интервью с одним

скейтером, забыл, как его звали, и он сказал, что самое неправдоподобное в спорте – это то, какой концентрации он требует. Вы можете кататься всю жизнь, а в момент, когда начинаете понимать, что это – лучший скейтинг в вашей жизни, вы можете обожраться бетоном. Прокатиться за девять минут и сорок пять секунд – недостаточно, потому что пяти секунд вполне хватит, чтобы растянуться. Так вот и в жизни. Мне это кажется ненормальным, но это так. А насколько было плохо то, что я сделал? Не так уж скверно, правда? Это промашка, и все. Все слышали о парнях, которые отказываются надевать презервативы, и о девчонках, которые считают, что залететь и родить в пятнадцать – клево... Ну, это уже не промашка. Это просто тупость. Я не хочу все время ныть о том, какая, мол, жизнь неправильная, но почему их наказывают так же, как меня? Это же несправедливо, правда? Было бы справедливее так: если вы не носите презерватив вообще никогда, у вас рождается тройня или четверня. Но этого же не происходит, правда?

* * *

Несколько вечеров спустя Алисия пришла к нам на ужин, и все было путем. Даже больше, чем просто путем. Она была мила с моей мамой, а мама с ней, и они обменивались шуточками о том, какой я недотепа, а я не возражал, потому что был рад, что всем хорошо.

Но потом Алисия спросила маму, на что это похоже – завести ребенка в шестнадцать лет, и я попытался сменить тему.

– Ты же не хочешь выслушивать все это? – обратился я к Алисии.

– Почему?

– Скучно.

– Ох, вот уж тут было не до скуки, скажу я вам, – отозвалась мама.

И Алисия рассмеялась.

– Но сейчас это скучно, – настаивал я. – Потому что все это в прошлом.

Я сморозил глупость и пожалел о ней в то самое мгновение, когда она вылетела изо рта.

– Ну да, – сказала мама. – Вся мировая история – в прошлом. Такая скучища!

– Точно, – ответил я.

На самом деле я так не думаю, потому что многое в мировой истории вовсе не скучно, например Вторая мировая война. Но я не хотел возвращаться к этому.

– И еще, – сказала мама, – эта тема себя не исчерпала. Ты здесь, и я еще здесь, и разница в шестнадцать лет между нами никуда не делась, и это будет всегда. Это продолжается.

И я задумался: а вдруг это продолжается в другом смысле – она и сама еще не догадывается в каком.

4

Не то чтобы между мной и Алисией все пошло плохо. Просто стало не так хорошо. Я не могу даже объяснить почему. Просто проснулся как-то утром и почувствовал себя не совсем так, как прежде. Мне не нравилось ощущать себя по-другому, потому что то было клевое чувство, и без него мне стало тоскливо, но оно ушло, и невозможно было его вернуть. Я даже притворялся сам перед собой, что все как раньше, но от этих попыток становилось только хуже.

Куда оно подевалось? Как будто на тарелке перед нами была куча еды, и мы умяли ее слишком быстро, и вот – ничего не осталось. Может быть, пары не расстаются, оттого что не жадничают? Они знают, что то, что есть у них, – это надолго, и едят по чуть-чуть. Хотя питаю надежду, что это не так. Я надеюсь, что, когда люди счастливы друг с другом, это будто кто-то подкладывает им в тарелку вторую и третью порцию... Тем вечером, после того как я целый день ее не видел, мне казалось, что мы будем вместе до конца жизни, и даже это недостаточно долго. А через две или три недели мы стали надоедать друг другу. По крайней мере, она мне. Мы занимались сексом, смотрели телевизор в ее комнате – и больше ничего вместе не делали, мы никогда подолгу не разговаривали. Мы одевались, выключали телевизор, потом я целовал ее и говорил «спокойной ночи» – и следующим вечером та же заезженная пластинка.

Мама, думаю, заметила это прежде, чем я сам. Я опять начал заниматься скейтингом и пытался доказать себе, что это нормально и естественно, и, может, так оно и было. Если бы мы не стали расходиться, не стали отдаляться друг от друга, все это начало бы казаться нам скучным, рутинным – так я думал. В конце концов я снова появился в чашке, и все такое. Это время, которое я провел с Алисией, всегда казалось мне чем-то вроде каникул, однако они закончились, хотя она по-прежнему останется моей девушкой, а я ее парнем, но у нас будет и какая-то своя жизнь. А оказалось иначе: каникулы закончились, и у нас все кончилось. Это был каникулярный роман, ха-ха!

Ну, так или иначе, когда я как-то днем пошел кататься, мама спросила:

– Успеешь перекусить чего-нибудь, прежде чем пойдешь к Алисии?

А я ответил:

– Да, конечно. – А потом добавил: – На самом-то деле я и не пойду сегодня к Алисии.

И мама опять спросила:

– Вот как?.. Ну, поскольку ты вчера у нее не был – или был?

А я ответил:

– Был, нет... Не помню.

Немного нелепо звучит, если подумать. По разным причинам мне не хотелось, чтобы она узнала, что у нас с Алисией все переменялось. Она бы обрадовалась, а я этого не хотел.

– У вас все по-прежнему так же сильно?

– О да. Правда, не так сильно, как раньше, я хочу сказать, потому что мы хотим заняться учебой и всякими такими вещами. Но да. Сильно.

– То есть несильно, – подытожила она. – Нет, знаешь, слабо.

– Не слабо, нет. Не...

– Что?

– Слабо.

– Ты два раза говоришь одно и то же?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты два раза сказал: «Не слабо. Не слабо».

– Кажется, да. Действительно глупо.

Не знаю, как мама ладит со мной иногда. Я имею в виду, что для нее ведь все это должно быть очевидно, но она сидит и выслушивает, как я клятвенно утверждаю, что черное – это белое, а холодное – теплое. Не стоит труда говорить ей правду. Но потом, когда мне потребуется помощь, я пойму, что все это время был идиотом.

* * *

Мне кажется, что вечером после этого разговора я пошел к Алисии, потому что три дня этого не делал. И мама мне об этом напомнила. Затем я еще пару вечеров пропустил, а потом были выходные, и в субботу она эсэмэской пригласила меня на обед. Приехал ее брат, был семейный обед, и Алисия сказала, что я тоже как бы член семьи.

Я никогда прежде не встречал людей вроде мамы и папы Алисии, пока не стал встречаться с ней, и сначала мне показалось, что они ужас какие крутые – я даже помню, что хотел бы, чтобы мои мама с папой были вроде них. Папе Алисии было лет пятьдесят, и он слушал хип-хоп. Он не очень его любил, я чувствовал это, но решил, что должен с этим познакомиться, и его не смущал язык и агрессивность этих песен. У него были седые волосы, которые мама Алисии по его просьбе подбривала сзади, а еще он носил в волосах заколку. Он преподавал в колледже литературу, а она преподавала драматическое искусство, еще до работы в муниципальном совете. Или она учила учить драматическому искусству – так будет поточнее. Она ходила во множество разных школ и инструктировала учителей. У них было все в порядке, думаю, у Роберта и Андреа, и они сначала были очень дружелюбны. Они явно думали, что я тупой. Они говорили не много и старались обращаться со мной так, будто не замечали моей безмозглости. Но я могу сказать определенно: они так считали. Я бы не спорил с этим, но Алисии я умнее. Я не рисуюсь и не задаюсь; я просто знаю, что это так. Когда мы смотрели фильм, она его не понимала и не могла взять в толк, почему все так смеются над «Симпсонами», еще мне приходилось помогать ей по математике. А ее родители помогали ей по английскому. Они все еще думали, что она собирается в колледж и что ее разговоры о модельном бизнесе – это все так, кратковременный тинейджерский бунт. Она казалась им гениальной, а я – таким бледненьким обалдуем, с которым она путается. Они вели себя так, будто я был Райаном Бриггсом или кем-то вроде него, но публично никогда не выражали своего неодобрения, потому что у людей вроде них это не принято.

И за этим семейным обедом, на который я был приглашен, потому что практически член семьи, я сидел, обдумывая свои дела, когда ее отец спросил меня, что я собираюсь делать после школы.

– Не всем быть учеными, Роберт, – быстро подсказала мать Алисии.

Видите как? Она хотела меня защитить, но сделала вот что – попыталась оградить меня от вопроса о моем будущем. Я что хочу сказать: все ведь что-то делают после школы, правда? Даже если ты всю оставшуюся жизнь сидишь дома и смотришь дневные программы по телику, это тоже какое ни есть, а будущее. Но это и было их отношение ко мне – не упоминать про будущее, потому что у меня его нет. И все делали вид, что это нормально – не иметь будущего. Именно это и сказала мама Алисии: не у всех есть будущее.

– Я знаю, что не всем быть учеными, – согласился Роберт. – Я просто хотел спросить его, кем он хочет быть.

– Он хочет изучать в колледже живопись и дизайн, – вставила Алисия.

– У тебя художественные способности, Сэм? – спросила ее мама.

– Ну да, ничего. Я только побаиваюсь, что там, в колледже, надо писать сочинения и все такое.

– А у тебя плохо с английским?

– На письме. И в устной речи. Остальное нормально.

Это восприняли как шутку.

– Надо только верить в себя, – сказала его мама. – У тебя нет преимуществ, которые есть у многих других.

Я не знал, что на это ответить. У меня есть собственная комната, мама, которая работает, любит читать и следит, чтобы я делал домашние задания... Честно говоря, я не знаю, какие еще у меня могли быть преимущества. Даже то, что мой папа не живет с нами, – хорошо, потому что у него-то совсем нет никакого образования. Я не хочу сказать, что он заставил бы меня бросить учиться, но... А может, и заставил бы. Они с мамой вечно из-за этого ругались. Она рвалась в колледж, а он – водопроводчик, и он всегда старался заработать побольше денег, и это изначально стояло между ними, потому что мама постоянно чувствовала, что у него комплексы, из-за того что он ниже нее на социальной лестнице, и потому он внушал ей, что повышать квалификацию – пустая трата времени. С точки зрения родителей Алисии, ты плохой человек, если не учишься и не читаешь. А с точки зрения моего папы, наоборот, ты дурной человек, если делаешь это. Бред какой-то, да? Не чтение и тому подобные вещи делают тебя хорошим или плохим. Если ты грабишь, убиваешь, насилуешь, сидишь на игле – ты плохой. А не из-за книг. Не знаю, почему они все так из-за этого суетятся.

– Думаю, Сэм шутит, мама, – сказала Алисия. – Говорит он замечательно.

Мне это не показалось, впрочем, особенно убедительным. Они ведь слышали, как я говорю. Они могли составить собственное мнение. Мы, конечно, не беседовали о скейтинге, о том, как я катаюсь, – они же этого никогда не видели. Если бы они изъявили желание, чтобы им рассказали об этом, я бы мог, хотя было бы трудновато.

– Нет, он хорошо говорит, – сказала ее мама. – Но иногда, если ты не... Если у тебя нет...

Алисия рассмеялась.

– Продолжай, мама. Закончи фразу так, чтобы не окатить Сэма помоями с головы до пят.

– Он знает, что я имею в виду! – возмутилась та.

Да, я знал. Но это не значит, что мне это понравилось.

Но ее брат, Рич, был мне симпатичен. И не думал, что он мне внушит доверие, потому что играл на скрипке, а ребята, пиликающие на скрипочке, всегда ботаники из ботаников. Но он не был похож на ботаника. Он носил очки, но они были клевые, и любил посмеяться. Я бы сказал, если подумать, что я был ему по душе. Ну, во всяком случае тогда. Как сейчас – не могу знать точно. Разница есть, правда? Думаю, он не вкладывал в это особой страсти. Не то чтобы я нравился ему потому, что у него не было других друзей. Я ему нравился потому, что был нормальным парнем, и оттого, я думаю, что у него было не так много знакомых, которые не были бы ботаниками и не играли бы на скрипке.

После обеда мы с Алисией и Ричем пошли к ней в комнату, поставили CD, мы с ней сели на кровать, а он на пол.

– Добро пожаловать в нашу семейку, – сказал Рич.

– Не говори так, – упрекнула Алисия. – А то я больше его никогда не увижу.

– Не все так плохо, – ответил я. Но все было именно так плохо. И если быть честным, вовсе не родители Алисии действовали мне на нервы. Когда я вышел из их дома, я не знал, вернусь ли сюда еще когда-нибудь.

В конце концов я пошел в чашку и возился там со своим бордом. Тот, кто изобрел катальную доску, – гений, так я думаю. В Лондоне можно всяким спортом заниматься. Там и лужайки есть, чтобы в футбол играть или в гольф. Но ты занимаешься этим спортом вопреки тому, что живешь в большом городе, потому что лучше было бы, если бы ты жил где-нибудь в деревне или вообще в каком-нибудь месте вроде Австралии. Но скейтингом ты занима-

ешься именно потому, что живешь в городе. Для него нужно столько асфальта, бетона, скамеек, ограждений, перил лестниц, сколько есть только в городах. И когда мир будет окончательно замощен, из всех атлетов останемся только мы, и по всему миру будут стоять статуи Тони Хоука, а на Олимпийских играх будет миллион соревнований по скейтингу, и люди по-настоящему смогут их посмотреть. По крайней мере, я приду и посмотрю. Я спустился по пандусу для инвалидных колясок, который идет от задних дверей и тянется за угол, выделяя фокусы – ничего особенного, обычные флипы. И я думал про Алисию и ее семью и понял, что собираюсь поговорить с ней о том, что не надо нам больше встречаться так часто, а может, и вообще больше видеться не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.